УДК 930.85(477.75) DOI: 10.22378/kio.2023.1.33-86

Крымские татары*

Алан Фишер

Аннотация. Данная работа представляет собой выдержки из перевода с английского языка второй части научного труда известного историка, профессора Государственного Университета в Мичигане (США) Алана Фишера. Его труд *The Crimean Tatars (Крымские татары)* был опубликован в 1978 году в США. Во второй части книги автор раскрывает следующий ряд вопросов: 1. Реорганизация Крыма; 2. Екатерина II и ислам; 3. Административная структура; 4. Крымскотатарское дворянство; 5. Крымское духовенство; 6. Эмиграция крымских татар; 7. Русская колонизация; 8. Российская администрация Крыма в XIX веке; 9. Административная организация; 10. Крымскотатарский класс мурз; 11. Крымскотатарское землевладение; 12. Военная служба крымских татар; 13. Города Крыма; 14. Крымскотатарские крестьяне; 15. Крымскотатарское национальное пробуждение; 16. Разрушение крымскотатарской архитектуры; 17. Россия и крымский ислам; 18. Образование; 19. Гаспралы (И. Гаспринский); 20. Последователи Гаспралы; 21. Младотатары *(The Young Tatars);* 22. Крымскотатарские патриоты. В целом, вторая часть работы рассматривает период пребывания Крыма в составе России.

Ключевые слова: крымские татары, эмиграция, колонизация, джадидизм, младотатары

Для цитирования: *Алан Фишер.* Крымские татары (3) / *пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А.* // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 33–86. DOI: 10.22378/kio.2023.1.33-86.

Екатерина II и ислам

Для всех было неожиданностью, когда в начале своего правления Екатерина II закрыла канцелярию новообращенных. Использование принуди-

---

* Перевод с английского Сейтхалиловой Л.С., Алиевой А.Ю. Перевод выполнен по изданию: Fisher, Alan W. The Crimean Tatars. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Продолжение. Начало см.: Алан Фишер. Крымские татары / *пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А.* // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114; 2022. Т. 9, № 2. С. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128.

тельного обращения, очевидно, было неприятным просвещенной Екатерине. Однако в течение нескольких лет она продолжала использовать другие средства поощрения крещения религиозного меньшинства своего населения. Екатерина предпочитала использовать финансовые стимулы в достижении того, чего не удавалось осуществить силой.

В 1773 году Екатерина поручила Святейшему Синоду издать указ «О терпимости всех вероисповеданий…». Хотя в этом документе упоминались все вероисповедания, практически обсуждался именно ислам. В указе говорилось: « …как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил…поступать изволит, желая только чтоб между поддаными… всегда любовь и согласие царствовало». Далее указ запрещал «всем епископам и всем священникам» «разрушать мечети» и предписывал им «не вмешиваться в мусульманские вопросы и в строительство их молитвенных домов» [4].

Этот указ подготовил почву для экспериментов Екатерины в Крыму в период его независимости. Из данных экспериментов становится очевидным, что Екатерина рассматривала ислам как препятствие на пути социального и политического развития, но не как противоречащую религию. Она надеялась, что силовая политика модернизации в Крыму продемонстрирует крымским татарам выгоды и преимущества, которые можно получить лишь приняв российскую модель общества. Однако усилия самодержицы в Крыму привели к открытой враждебности татар к российской модели, и одно восстание сменялось другим. Независимость как возможность была отвергнута большинством крымскотатарской элиты, и аннексия1 стала единственно возможным решением для императрицы. Екатерина не могла осознать тот факт, что в исламском обществе все сферы социальной, религиозной и политической жизни тесно взаимосвязаны. Мусульманское духовенство, хотя и не занимало высших политических постов, все еще неизменно сохраняло преданность населения, и блага современной цивилизации мало что могли изменить. Чтобы добиться лояльности и поддержки со стороны крымскотатарского населения, России необходимо было предпринять нечто иное.

Главным архитектором новой политики был барон Игельстром из Риги, представитель еще одного российского меньшинства – балтийских немцев. Его советы и нововведения стали основой для решения Екатериной этой важной проблемы в Крыму, а затем и в других российских мусульманских провинциях. Игельстром утверждал, что любая политика, игнорирующая мусульманское руководство, будет обречена на провал. Российское государство вынуждено воспользоваться этим мусульманским ру-

[1] В российской историографии принят термин «присоединение».

ководством, чтобы иметь возможность ассимилировать мусульманские массы бюрократическим путем. Кроме того, Игельстром полагал, что в случае успеха этой политики мусульмане могут быть полезны для продвижения российских имперских интересов в Центральной Азии. В результате, после аннексии (см. сноску 2) Крыма правительство проводило доброжелательную программу в отношении мусульман полуострова. Они включили исламское духовенство в категорию чиновников империи и создали мусульманские институты под прямым контролем правительства. Именно на этом фоне происходила реорганизация новой Крымской губернии.

Следует помнить, что пятнадцать лет беспорядков разрушили традиционные социальные связи в крымском обществе. Христиане были изгнаны с полуострова, приостановилось сельскохозяйственное производство, крымскотатарские крестьяне были доведены до состояния полного обнищания, а экономика, основанная на власти мурзы, имела столь же негативные последствия. Лишь мусульманское духовенство избежало серьезных потрясений. Добиться приверженности и поддержки крымских татар русским было нелегко.

В манифесте об аннексии было обещано: «Торжественно и бесповоротно для нас самих и наших преемников относиться к жителям этой страны как к нашим подданным; охранять и защищать их собственность, их мечети и их религиозные традиции как своих собственных граждан» [5]. Нет сомнений, Екатерина была абсолютно уверена, что аннексия вызовет лишь незначительные потрясения в социальной и религиозной жизни татар.

Князь Г.А. Потемкин, руководивший всей имперской политикой России на юге, издал общий приказ, касающийся всех русских военных и офицеров в Крыму, в котором излагалось следующее: «По присоединении татарского народа к суверенитету Ее Императорского Величества крайне важно, чтобы собственность была уважена, и наша армия обращалась с местными жителями как с братьями». О каждом случае проблем с местным населением следовало немедленно докладывать ему. В обязанности барона Игельстрома входило следить, чтобы его офицеры «защищали местных жителей от неприятностей со стороны солдат, и ничего не могло быть взято без её добровольной продажи». Барон Игельстром обязывался: 1) поддерживать культуру и религию татар; 2) заботиться, чтобы татары не были призваны в армию против их воли; и 3) следить, чтобы русским офицерам не «позволялось входить в гаремы татар» [6].

Административная структура

Эта цель должна была быть достигнута путем минимальной политической реорганизации. Впервые полномочия хана были возложены на

нового русского губернатора, который одновременно со своей властью совмещал политическую и военную власть хана. И первым таким губернатором стал сам Игельстром, действовавший под непосредственным руководством князя Потемкина.

В остальном административная структура Крыма должна была остаться такой же, какой она была до 1783 года. Однако, политические и военные задачи должны были быть разделены, поскольку по прошествии столь короткого времени после аннексии и Екатерина, и Потемкин испытывали недоверие относительно намерений Османской империи и хотели быть уверены, что русские войска будут наготове в случае, если османы попытаются повернуть вспять события, имевшие место в 1783 году. Это разделение было достигнуто путем создания двойной, и во многом параллельной политической структуры на полуострове. Гражданское правительство было укомплектовано почти исключительно крымскотатарскими чиновниками из предыдущих крымских администраций, в то время как военный аппарат состоял из офицеров русской армии. Обе администрации находились под властью Потемкина и его представителя в лице барона Игельстрома.

Политику, которую русские с самого начала проводили в новой крымской провинции, вкратце можно охарактеризовать следующим образом. Царица попросту включила Крым в структуру империи и не рассматривала его как отдельный регион. Лейтмотивом этой политики было отсутствие определенной заинтересованности в Крыме как особом регионе, отличном от остальных южных рубежей России. В Таврическую область в 1784 году, а затем в Таврическую губернию после 1802 года вошли территории, которые исторически не являлись частью того или иного крымского национального образования, и которые служили политическим и экономическим целям, не имеющим ничего общего с потребностями крымских жителей. В результате аннексии полуостров потерял свою особую идентичность: крымскотатарское население в результате территориальной реорганизации было размыто.

Поначалу Екатерина предприняла некоторые усилия, чтобы ввести крымских татар в административную систему полуострова. В 1783 году было создано Крымское окружное управление. Его возглавил Ширин-бек Мехметша, которому был присвоен русский чиновничий титул наместника (namestnik). Двое из бывших чиновников Шагин Герая, Гадини Кази Ага (Gadini Kazi Aga) и бывший кадиаскер Муследин Эфенди, присоединились к Мехметше в качестве его главных заместителей. В конце года их сменил Рудзевич (бывший Якуб Ага). Месторасположением окружного правительства стал Карасубазар, в прошлом резиденция Ширин бея.

К июню 1784 года число бывших крымскотатарских чиновников, согласившихся предложить свои услуги новому гражданскому прави-

тельству, возросло до одиннадцати. Было ясно, что на данный момент Екатерина и Потемкин довольствовались тем правительством, которое они установили во время аннексии Крыма.

Военную администрацию поначалу возглавил генерал де Бальмен. Однако вскоре выяснилось, что он был причастен к ряду бесчинств в отношении населения Крыма в последние годы войны и продолжает враждовать с крымскими татарами. В конце 1783 года на барона Игельстрома была возложена и эта обязанность. По своей природе положительно настроенный к крымским татарам и уважающий их, Игельстром полагался на то, что крымскотатарские чиновники и его собственные военные офицеры будут действовать согласованно. Документы этих двух учреждений свидетельствуют, что на него ориентировались и те, и другие. Мехметша и Рудзевич чувствовали себя комфортно в обществе Игельстрома и верили, что любая предложенная им политика будет на пользу и крымским татарам, и русским [7].

Воссоздание системы каймаканств (kaimakam), впервые установленной ханами, было одним из первых попыток обоих учреждений. Хотя в своих отчетах в Санкт-Петербург Игельстром предпочитал использовать русский термин уезд, в пределах самого Крыма он не возражал против сохранения крымскотатарского названия и формы этого местного учреждения. Согласно указу правительства округа и военного ведомства, каймакамы (kaimakams) должны были быть руководимы татарскими кадиями – в большинстве случаев это кадии, служившие хану Шахин Гераю. Им был предоставлен полный спектр политических и полицейских полномочий в соответствующих кадиликах (административных единицах) [8].

Одним из компонентов прежнего гражданского крымскотатарского правительства, в первый же год перешедшего под контроль Игельстрома и русских колониальных чиновников, был сбор налогов. Заниматься этим было поручено Мавроени, бывшему казаку, который при Шахине был чиновником, отвечавшим за таможенные доходы Кефе.

Наибольшую сложность у русских вызвала необходимость заручиться поддержкой большинства крымскотатарского населения, находившегося под контролем крымских мурз. Русские обнаружили, что они мало знают об отношениях между знатью и народными массами. Более того, им не было известно, кем на самом деле были представители знати. Одно дело – желание относиться к местному населению гуманно и просвещенно, другое дело – понимать состав местного населения. Кроме того, необходимо было провести полный анализ существующей экономической структуры Крыма, прежде чем российские цели экономической экспансии и интеграции новой провинции в империю будут удовлетворены.

Вскоре после завершения создания системы двойного управления Игельстрому было поручено проанализировать экономическую структуру Крыма. Перед ним была поставлена задача установить точную информацию о численности, социальном и географическом соотношении мусульманского и немусульманского населения Крыма. Он должен был узнать, в каких видах экономической деятельности они принимают участие и каковы их доходы и поступления. Игельстром, понимая, что лучше всего это можно будет выяснить у крымскотатарских лидеров, потребовал крымское окружное правительство и его руководителя Мехметшу подготовить ряд соответствующих отчетов. За информацией о немусульманском населении и его интересах Мехметша обратился к руководству христианской и еврейской общин.

Как вскоре выяснилось, собрать эту информацию было непросто. Годы гражданских беспорядков и русского вторжения проявились в разрушениях городских районов, и население покинуло районы конфликта. Кроме того, большая часть финансовых отчетов администрации Шахина была утеряна.

Несмотря на это затруднение, отчеты начали появляться в конце 1783 года. К июню следующего года работа по ним была доведена до конца. В отчетах содержались ответы на следующие вопросы: 1) Сколько кадиликов (судебных округов, находящихся под юрисдикцией кадия или судьи) было в каждом из каймакамликов (эквивалент бывшего бейлика или административного округа) и каковы они? 2) Сколько татарских деревень было в каждом районе, и сколько из них были малонаселенными или заброшенными? 3) Сколько христианских деревень было в каждом кадилике? 4) Сколько мечетей и церквей существовало в каждом каймакамлике и которые из них были повреждены? 5) Сколько индивидуальных жилых домов, пустых и заселенных, было в каждом городе, какие были христианскими, а какие мусульманскими? 6) Сколько доходов было выделено ханскому правительству с каждого города? 7) Какие налоги на сельское хозяйство и животноводство были обычными для деревень? 8) Сколько чиновников, служащих и переводчиков требовалось для каждого каймакамлика? 9) Какое жалование необходимо для содержания этих чиновников?

Как видно из этого списка, информация, которой располагали русские, была скудной. Результаты опроса были весьма интересными.

Начнем с того, что ущерб, нанесенный экономике Крыма, оказался гораздо большим, чем предполагалось. Многие мусульманские и христианские города были малонаселенными. Тысячи домов и магазинов были заброшены. Двадцать процентов домов в Кефе и 10 процентов домов в Гезлеве лежали в руинах вследствие бесчинств де Бальмена в 1778 году. Большие, потенциально продуктивные сельскохозяйственные площади

были пусты и заброшены. Ни один уголок полуострова не избежал разрушительных последствий войны и мятежей. Предстояла огромная работа по возвращению Крыма к его прежней экономической продуктивности.

Основываясь на этой информации, Игельстром оценил численность крымскотатарского населения всего полуострова в 53 616 мужчин, что дает примерную численность мусульман в 150 000 человек. Игельстром был убежден: это означает, что за годы, прошедшие с 1772 года, население сократилось на 50 процентов [9].

Крымскотатарское дворянство

Вторая по важности из поставленных перед Игельстромом задач касалась прослойки мурз и их растворения в более широкой среде русского дворянства. Хотя Екатерина намеревалась позволить крымским татарам максимально следовать своим социальным обычаям, она не видела противоречия в попытке интегрировать различные крымскотатарские классы в российское общество. Она была убеждена, что мурзы поймут, что им нечего терять, если воспримут российские социальные сословия с их экономическими и социальными привилегиями.

Политика Екатерины в Крыму была тесно связана с ее программами в других мусульманских регионах Российской империи. В 1784 году она приказала полностью «реабилитировать» и восстановить «те права, которыми когда-то пользовались казанские татары» и которых они были лишены Петром I в начале века. В типичном для нее стиле указ Екатерины гласил: «Сии мурзы в течение некоторого времени и по разным причинам не имели возможности извлекать прибыль из имущества, унаследованного ими от предков». Далее в нем говорилось: «Мы желаем, чтобы каждый мурза, независимо от его национальности или веры, имел личное право на эти земли и любые преимущества, которые он получит от их использования» [10].

В мае 1784 года Екатерина поручила Потемкину проконтролировать, чтобы крымскотатарские мурзы «пользовались той же благосклонностью Нашего Императорского Величества» [11].

В следующем году, когда «Жалованная грамота дворянству» ввела масштабную реорганизацию всего российского дворянства в кастовую систему с ограниченным самоуправлением, крымскотатарская знать стала членом нового Крымского дворянского собрания [12].

Екатерина просто объявила, что крымскотатарские мурзы представляют собой крымский эквивалент российского дворянства и им предоставляются привилегии, которые российские дворяне приобрели в 1775 и 1785 годах. Но в течение последующих пятнадцати лет стало очевидно, что существовали сложности, связанные с применением этих принципов.

Одной из основных проблем дворянских собраний в России в последующие несколько лет было определение их членства. В Крыму эта задача была сложной вдвойне. В то время как русские дворяне часто могли представить официальную документацию о своих землевладениях или свидетельства службы и отличия своих предков, крымские мурзы испытывали трудности с предоставлением документов, удовлетворяющих русских чиновников. Существенно отличающееся разделение земель между династией Гераев и влиятельными кланами, в сочетании с проблемами мурз меньшего ранга, означало, что при рассмотрении притязаний на дворянство российские чиновники не могли полагаться на российские образцы.

Для решения этого вопроса Игельстром счел необходимым созвать специальную Татарскую комиссию. Комиссия, почти полностью состоящая из крымских татар, обнаружила, что у большинства мурз, проживающих на землях Гераев, не было никаких документов, подтверждающих их дворянский статус. В результате комиссия в большинстве случаев была вынуждена принять устные заверения. Комиссия была распущена в конце 1785 года, тогда же она объявила о присвоении дворянского звания 334 крымским мурзам [13].

Первоначально, до начала широкомасштабной славянской колонизации, крымскотатарским *дворянам* была предоставлена привилегия владения крымскотатарскими *крепостными.* В то же время правительство решило, что в Крыму русские *помещики* («землевладельцы» или «владельцы крепостных»), не могут иметь права закабалять татар-мусульман в Крыму, поскольку это только усугубило бы и без того напряженные отношения между двумя нациями. Далее правительство постановило, что крымскотатарские крестьяне, проживающие на землях, не подконтрольных крымскотатарским *мурзам*, должны именоваться государственными крестьянами, что обеспечит им «более справедливое» отношение по сравнению с обращением с ними как с крепостными [14].

Эта политика грозила обернуться рядом серьезных проблем для крестьян, *мурз* и чиновников в следующем столетии, поскольку крымскотатарские крестьяне, проживающие на землях русских *помещиков,* сохраняли больше свободы, чем находящиеся в поместьях крымских *мурз.*

Результаты интеграции прослойки *мурз* в российское дворянство были неоднозначными. С одной стороны, некоторые крымские дворяне сохранили контроль над землями и населением, которые они контролировали до аннексии. Это обеспечило элемент преемственности в земельных и социальных отношениях, которые были бы нарушены в результате полной русификации. С другой стороны, эти изменения привели к русификации самих *мурз.* Чтобы работать наравне со своими российскими коллегами, *мурзы* сочли необходимым перенять у русских привычки, язык и методы

ведения дел с учетом сословной специфики. Особенно это касалось их участия в местных дворянских собраниях. Как отмечает Раефф [Raeff], эта русификация части элиты без соответствующего изменения в массах привела к неизбежному расколу, во многом аналогичному тому, что происходил в России на протяжении столетия [15].

Крымскотатарское духовенство

Чрезвычайно пристальное внимание после аннексии было уделено другому важному элементу крымской элиты – мусульманскому духовенству. До 1783 года наибольшая враждебность по отношению к русским исходила именно от этого сословия. Оно было тесно связано с Османской империей. Имевшая место твердая убежденность в необходимости постоянной борьбы с неверными, живущими «за гранью ислама», была столь же реальной в XVIII веке, как и в XVI.

Однако именно благодаря высшим слоям этого самого духовенства русские управители, в конечном счете, обрели существенную поддержку со стороны местного населения. Такая победа чиновников стала возможной во многом благодаря искусной политике, начатой Игельстромом в Крыму, а затем продолженной в Поволжье. Игельстром полагал, что только через исламское духовенство можно завоевать простых людей. Влияние мусульманского духовенства на взгляды и мировоззрение местного населения было очень сильным и при умелом использовании оно могло быть весьма полезным для русских.

Его замысел заключался в том, чтобы привлечь духовенство в качестве основного инструмента управления империи над крымскими татарами. Изначально его программа гарантировала сохранение всех их социальных и экономических привилегий при новом режиме и отсутствие каких-либо изменений, которые могли бы повлиять на их положение в вопросах религии, образования или местного правосудия. Более того, они были включены в государственную платежную ведомость для получения дополнительных финансовых льгот. К концу 1783 года представители духовенства, включая имамов и муэдзинов отдельных мечетей, получали зарплату. Как подтверждают факты, подавляющее большинство духовенства приняли эту привилегию.

На момент аннексии представители духовенства Крыма занимали множество высших государственных должностей: муфтий, кадиаскер, кадии. В системе высшего образования духовенство сохраняло контроль над преподавательскими и административными должностями. К тому же их общая численность была высокой. В 1783 г. в стране насчитывались 1531 мечеть со своим штатом, 21 текие («монастырь»), 25 медресе и 35 мектебов (высшие и начальные школы). Муфтию Мусалару Эфенди и кадиаскеру

Сейт Мехмет Эфенди была назначена годовая зарплата в размере 2000 рублей. Это ставило их на один уровень с представителями духовенства Русской православной церкви [16]. Обширные земельные владения исламского духовенства также были гарантированы российской администрацией. Вакуфы, число и размеры которых увеличились за последние десятилетия ханства, не подлежали российскому налогообложению, и российским чиновникам и вновь прибывающим поселенцам было отказано в их получении. По подсчетам Игельстрома, почти 30 процентов плодородных земель на полуострове попадали под эту категорию. Мусульманское духовенство также было освобождено от налогов и получило право на владение крепостными, хотя представителям православной конфессии в этой привилегии было отказано. Сочетание этих мер давало российской колониальной администрации возможность добиться мирного перехода от мусульманского правления к российскому.

Возможно, в долгосрочной перспективе это стало бы возможным, если бы в течение XIX века эта политика не претерпела неоднократных изменений. По сути, деятельность Игельстрома оказалась настолько успешной, что в 1785 году он был переведен из Крыма в Поволжье, чтобы в дальнейшем и там осуществлять начатую им политику по интеграции региона.

Эмиграция крымских татар

Вскоре после аннексии возникли и другие серьезные проблемы. Это и увеличивающийся отток крымских татар из Крыма, и начало славянской колонизации Крыма. Было совершенно очевидно, каковы бы ни были намерения российского правительства, присутствие в Крыму большого количества солдат и офицеров низшего звена приведет к пренебрежению приказами свыше и породит русско-крымскую вражду. Необходимо было часто повторять запреты правительства на плохое обращение с местным населением. Напоминания о том, что Крым нельзя было считать вражеской территорией, исходили из канцелярии Игельстрома почти еженедельно. Однако по всему полуострову русские все еще оказывали определенное давление на крымских татар. В итоге, это повлекло за собой начавшееся широкомасштабное переселение татар в Османскую империю [17].

Поначалу уезжали в основном крымские татары, тесно связанные с ханом Шахин Гераем, которые покинули страну вместе со своим свергнутым правителем. Кроме того, среди 8000 крымских татар, выехавших в 1783 и 1784 годах, было много османских подданных, живших в Кефе. Потемкин предвидел возможность такого развития событий и велел войсковым частям в портовых городах не препятствовать тем, кто желает уехать в Османскую империю [18].

Гораздо более серьезная эмиграция произошла в 1785–1788 годах; ее кульминация пришлась на месяцы после подписания Ясского мира между Россией и Османской империей 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г. по новому стилю), когда османы навсегда оставили все надежды на возврат Крыма под мусульманское правление. Хотя, согласно некоторым оценкам, в эти годы уехало до 100 000 крымских татар, более вероятным представляется, что их число составляло 20 000 или 30 000 человек [19].

Русская колонизация

К 1789 году стали предприниматься меры по осуществлению русской колонизации, и для многих татар это показалось последней возможностью уехать в мусульманскую страну и захватить хоть какое-то нажитое добро. Вполне вероятно, что некоторые из *мурз* более низкого ранга, не получившие столько же привилегий, сколько те, кто был принят во дворянство, предпочли рискнуть на османской службе. Рудзевич в то время утверждал, будто бы некоторые мурзы в деревнях говорили, что «оставаться подданными Ее Императорского Величества противоречит исламскому закону» [20]. Однако тот факт, что эмигрировавшие не были ни крестьянами, ни духовенством, а скорее дворянами более низкого ранга и некоторыми городскими жителями, имевшими торговые интересы в Османской империи, позволяет игнорировать подобное утверждение.

Поскольку одной из главных задач российского правительства было извлечение потенциальных экономических выгод от аннексии, следовало ожидать, что будет сделано все возможное для стимулирования экономического восстановления и развития. Однако в последующие годы после 1783 года оно не продвигалось к этой цели последовательно и энергично. Только земли, принадлежавшие правящей династии Гераев и ее ближайшим сподвижникам, были переданы государству для собственной эксплуатации. Большая часть обширных земельных владений, раздаренных в огромных масштабах фаворитам Екатерины, происходила именно из земель Гераев. За исключением участков, сохраненных для строительства крепостей или портовых сооружений, в течение десятилетия после аннексии у других крымских подданных земли практически не конфисковались. Земли, освободившиеся в результате эмиграции татар в конце 1780-х годов, также нельзя назвать обширными земельными владениями. Из источников того периода, как, например, отчета Ричарда Уиллиса 1785 года, в котором он утверждает, что Крым в значительной степени заселен русскими крепостными, находившимися под ярмом русских управляющих и помещиков, отчетливо видно, что к началу XIX века на полуострове насчитывалось всего 8746 русских крепостных (включая детей) [21].

Можно привести несколько ярких примеров крупных земельных пожалований, сделанных фаворитам Екатерины или другим чиновникам, принимавшим участие в управлении.

Только в 1784 году Потемкин раздал своим чиновникам и друзьям более 73 000 десятин *(desiatins)* государственной земли. Своему союзнику Безбородко он подарил «красивую усадьбу в г. Судак» с 18 000 *десятин*. Попов получил более 32 000 *десятин*. Ширин *бею*, председателю Крымского окружного правления, было пожаловано более 27 000 *десятин* и т.д. Но масштабная колонизация и переселение крымских татар произошли уже в следующем столетии, когда среди колонистов можно встретить «отставных солдат, казаков, греков, валахов, армян, немцев, болгар и евреев» [22].

К 1793 году, по данным Палласа, население Крымского полуострова составляло [23]:

	Мужчины	Женщины
Татарское дворянство	570	465
Татарское духовенство	4,519	4,105
Простые татары	48,484	99,280
Мусульманские рабы	343	405
Ногай татары	4,331	3,593
Цыгане	1,664	1,561
Татарские купцы	1,780	1,048
Христиане (не русские)	6,220	5,346
Слуги	1,185	247
Русские крепостные крестьяне	110	116
Русские колонисты	4,861	3,397
Поселенцы, недавно основанные дворянством	1,987	586
Казаки	5,803	0
Христианское духовенство	89	33
Слуги и офицеры короны и их семьи	382	270

Таким образом, к этому времени число тех, кого можно было отнести к колонистам или русским, переселившимся в Крым в результате аннексии, было невелико. С изменением политики правительства и отменой в XIX веке многих просветительских программ, организованных Игельстромом и Екатериной, ситуация изменилась. В то же время аннексия и политика государства в последующие годы, казалось бы, представили для крымских татар возможность более мирного перехода.

9. Российская администрация Крыма в XIX веке

XIX век – самый трудный для описания и оценки в истории крымских татар. В период ханства и после крымскотатарского возрождения, которое происходило в конце XIX века, крымскотатарские интеллектуалы и политические деятели много писали о себе. Иностранцы, современники и очевидцы событий того времени также оставили значительное число письменных свидетельств о крымских татарах в эти периоды. Но за столетие, которое началось с аннексии Крыма Россией в 1783 году и продолжалось до 1889 года и возникновения новой крымской культуры во главе с Исмаил беем Гаспралы, историки не имеют практически никакого необходимого исходного материала из крымскотатарских или других нерусских источников. Хотя эти сведения весомы в количественном отношении, их качество не позволяет дать полную картину жизни крымских татар того периода.

Русская администрация в этот период спровоцировала появление ряда существенных противоречий, отрицательно повлиявших на процесс развития татарского народа. В значительной степени причиной их возникновения являлось то, что правительство не проявляло большого интереса к крымским татарам как к особой группе, а регион как таковой не рассматривался в качестве колониальной территории. Следующая характеристика Крыма конца XIX века, написанная в 1951 году советским апологетом депортации татар, которая произошла в 1944 году, вполне могла быть сочинением русского писателя XIX века, выражающего общепринятое мнение о Крыме того времени:

«В некоторых исторических трудах Крым в конце XIX века рассматривается лишь как аграрная граница, провинция, колония царской России. Но эта точка зрения явно ошибочна: 1) Крым по своему экономическому развитию к концу XIX века фактически развивался не хуже центральных губерний нашего государства; 2) Крым никак нельзя считать колонией, потому что крымская земля издревле была русской землей, и поэтому присоединение Крыма к России не было завоеванием чужой земли, а было воссоединением и восстановлением прав русского народа на свою землю; 3) Экономическое развитие Крыма было осуществлено русскими, города были построены русскими рабочими, поля обрабатывались в подавляющем большинстве русскими крестьянами» [1].

На протяжении XIX века крымские татары подвергались одной из самых жестких политик русификации в империи. Однако к концу века среди крымскотатарской интеллигенции возникло новое движение, которое послужило основой для национального движения в период революции 1917–1921 годов и привело к созданию относительно успешной системы национального коммунизма, подчеркивающей крымскотатарскую культурную и

политическую идентичность. В этой и следующей главах будут рассмотрены истоки этого парадокса.

Административная организация

То, что российское правительство не видело ничего особенного или необычного в крымских татарах, лучше всего подтверждается территориальной и организационной политикой, которую оно проводило на полуострове. С 1784 года российские официальные лица рассматривали Крым как часть южной приграничной зоны. Когда в феврале 1784 г. была образована Таврическая область, в ее состав вместе с полуостровом были включены территории, исторически не входившие в состав ханства.

Первоначально область состояла из семи районов, четыре из которых находились на полуострове (Симферополь, Феодосия-Кефе, Евпатория-Гёзлеве и Перекоп, протянувшийся до Мариуполя на северном побережье Азовского моря), один на Таманском полуострове (Фанагория) и два в северной степи (Днепровск и Мелитополь). Включив три некрымских района, правительство создало область, которая не являлась однородной ни в этническом, ни в историческом плане и служила политическим и экономическим целям, не совпадавшим с целями крымцев [2].

Первым губернатором области был князь Григорий Потемкин, которому помогал главный администратор В. Каховский. Интересы Потемкина на юге с 1784 года и до самой его кончины в 1791 году выходили далеко за рамки заботы непосредственно о самом Крыме. Екатерина II исполняла обязанности губернатора с 1791 по 1793 год [так у Фишера], а затем назначила на пост губернатора своего фаворита Платона Зубова, который он занимал до конца ее царствования [3].

Император Павел, не проявлявший никакого интереса к Крыму, реорганизовал южные пограничные регионы исключительно в рамках полного отказа от достижений своей матери. В декабре 1796 г. он объединил Таврическую область, Вознесенскую и Екатеринославскую губернии в одну огромную губернию, названную Новороссийской. Он также объединил Симферопольский, Евпаторийский и Феодосийский округа в один крупный округ – Симферопольский. В продолжение своей работы по устранению последствий деятельности Екатерины он вернул крымские названия всем городам, которым в 1784 году были даны русские эквиваленты. Таким образом, Симферополь снова стал Акмесджитом, а Севастополь был переименован обратно в Ахяр (однако это возвращение к крымской идентичности не нашло своего продолжения после правления Павла). Для крымских татар административные изменения в конце XVIII века повлекли за собой татаризацию по малым и русификацию по важным вопросам. В новой же

Новороссийской губернии крымские татары стали лишь небольшой частью в пределах преимущественно славянской приграничной провинции [4].

В 1802 году Александр I в рамках возвращения к политике своей бабушки, Екатерины II, вернул административное устройство южной границы к тому, что было в 1796 году. Упразднение Новороссийской губернии и воссоздание ее как Таврической области, теперь получившей название губернии, была образцом административной организации Крыма до 1917 года. И снова исконно крымские названия были заменены русскими [5].

С самого начала Симферополь *(Akmeçet)* был губернским центром Крыма. Это была резиденция не только губернаторов и их помощников, но и татар, сотрудничавших с ними. Как дом бывшего *калгая* Шахин-Герая и резиденция русских советников последнего хана, Симферополь стал логичной заменой Бахчисарая, чей древний дворец олицетворял независимое прошлое.

Губернаторы, назначаемые на эту должность в Симферополе, состояли частью из чиновников, делающих карьеру, и выходцев из старинных и знатных российских родов. Такие имена, как Милорадович, Нарышкин, Пестель, Адлерберг и Кавелин, принадлежат представителям знатных родов, а Мертваго, Трепов, Казначеев и Баронав – представителям чиновников [6]. По иронии судьбы, единственным высокопоставленным административным чиновником в Крыму, которого любили здесь и память о котором значима в их исторической литературе, был Арман Дюк де Ришелье, который вообще никогда не был губернатором Крыма, а был губернатором сначала Новороссийской, а затем Херсонской губернии в Херсонской области [7].

В Симферополе губернская администрация была представлена регулярным губернским правительством и гражданским и уголовным судами. Губернское правительство состояло из двух отделов, оба из которых в XIX веке были укомплектованы русскими чиновниками. Отстранение крымских татар от этих важных ветвей местного управления объяснялось тем, что «крымские татары не знают русского языка и поэтому не способны понять административные вопросы, которые поступают на рассмотрение в эти органы» [8].

Тот факт, что Сенат, ответственный за указ о создании новой губернии в 1802 году, счел необходимым обосновать это исключение, указывает, что по крайней мере некоторые члены чиновничьей бюрократии считали эту практику незаконной. Тем не менее, нет никаких доказательств, что на высших уровнях местными чиновниками после 1802 года были татары. На уровне губернии единственным утверждением татарского вопроса было создание переводческих отделов в каждом из подразделений, имевших

юрисдикцию в Крыму [9]. В единственном случае, когда российский закон указывал, что местные жители должны быть представлены в государственных учреждениях, право иметь «право» голоса в судебной администрации получили только русские крестьяне [10].

Только на уровне отдельных регионов татары смогли предпринять какие-либо усилия, чтобы повлиять на административную политику России. В уездных судах, полицейских управлениях и городских управах в протоколах случайно упоминается крымский татарин. Однако даже на этом уровне участие крымских татар было исключением [11].

Вероятно, в результате этого центральное правительство в Санкт-Петербурге получало постоянный поток информации о злоупотреблении властью и коррупции среди российских чиновников в Крыму. В 1816 году по рекомендации графа Ланжерона, военного губернатора Херсонского военного округа, Сенат учредил специальную комиссию для расследования растущего числа поступающих в Петербург жалоб на различные проступки местных российских чиновников. К сожалению, никаких отчетов об этих расследованиях или о какой-либо корректирующей политике со стороны правительства до нас не дошло [12].

Крымскотатарские мурзы

Социальная политика России в Крыму в XIX веке была сложнее, чем ее административная программа. Правительство проводило разную политику по отношению к различным слоям крымского общества – *мурзам*, городскому сословию и крестьянам, и это в течение столетия привело к усилению социальной дифференциации. В период ханства мурзы контролировали больше земель и богатств, чем любая другая социальная группа; на своих землях крестьяне-мусульмане сохраняли личную свободу, ограниченную лишь финансовыми обязательствами перед землевладельцами-*мурзами*. Мурзы также привыкли к высокому уровню политического участия через свои собрания (курултаи) и должности, которые они занимали в ханской администрации. Крымское городское сословие также играло важную роль в качестве ремесленников и торговцев. Тем не менее, оно разделяло свою позицию с многочисленными христианскими меньшинствами, почти все из которых жили в городах Крыма.

Российское правительство попросту решило, что *мурзы* станут крымским эквивалентом российского дворянства. И Екатерина II, и Потемкин пытались включить класс *мурз* в его российский аналог, и таким образом надеялись облегчить переход для остального населения. Однако вскоре стало очевидным, что применить российские законы к татарскому дворянству автоматически и легко не получится. Годы войны и период совместного проживания настолько нарушили порядок в системе взаимо-

связей между *мурзами* и земельными владениями, что русские губернаторы не могли решить, кто из крымских татар является дворянами и какие земли им принадлежат.

Кроме того, категории крымскотатарской знати не соответствовали тем *дворянским* категориям, а *мурзы*, которым было трудно приспособиться к новой системе *дворянства,* не всегда могли действовать по правилам и нормам этого сословия. Они не знали русского языка (который использовался во всех дворянских делопроизводствах, и им было неловко сидеть рядом со своими бывшими недругами (чувство, которое было взаимно). Следовательно, они сопротивлялись попыткам правительства приспособить их к новым формам. Наконец, смена административных форм на новой территории, за которой вскоре последовали новые изменения в 1802 году, спутали все сферы правительственных дел. Крымским татарам перед лицом этих трудностей повезло иметь губернаторами группу чиновников, которые сочувствовали их тяжелому положению и искренне пытались решить проблемы справедливым образом.

Самыми значимыми из этих губернаторов были Семен Жегулин, служивший с 1788 по 1797 год, Григорий Милорадович, служивший с 1802 по 1803 год, и Дмитрий Мертваго, служивший с 1803 по 1807 год [13].

В конце 1794 г. года Жегулин потребовал от правительства подтверждения прав крымскотатарской знати «на поместья и другие привилегии», на которые их ранг мог претендовать [14]. Он сообщил, что в предыдущие годы татарская знать была постоянно обескуражена рядом спорных мер относительно их привилегий. И даже в этом случае, кажется, реальная причина данных противоречивых мер была не столько в злонамерениях со стороны чиновников, сколько в недостаточном уровне знаний о статусе *мурзы* в крымскотатарском обществе.

С реорганизацией Таврической губернии в 1802 году новый губернатор Г. Милорадович просил и получил полномочия учредить в Крыму комиссию, состоящую как из русских чиновников, так и из крымских *мурз*. Его цель состояла в том, чтобы дать некоторое четкое определение понятия крымскотатарской знати и применить законы *дворянства* среди крымских татар. Комиссию возглавил тайный советник и сенатор Лопухин. В ее состав от России входили директор исследовательского отдела Ланский, действительные статские советники Туманский, Крейтер и Павел Сумароков. Были также включены представители русских *помещиков*, крымскотатарских *мурз* и городских жителей.

Крымскотатарское землевладение

Указ о создании комиссии повторял обещания о защите прав *мурз* на землю – обещания, которые были даны сначала в манифесте об аннексии, а затем в указе 1794 года. То, что правительство в течение последующих десяти лет издавало указы, повторяющие эти обещания, говорит о том, что их выполнение было нелегкой задачей [15].

Работа комиссии была затруднена обстоятельством, что ряд событий, имевших место в период между 1783 и 1802 годами, внес путаницу в существующие вопросы. Значительное количество земли уже было пожаловано Екатериной русским *помещикам.* Большая часть земель, оставленная *мурзами,* эмигрировавшими в Османскую империю, была передана татарам, сотрудничавшим с российским правительством; многие из этих татар не являлись носителями традиционного титула *мурзы.* Так, например, Баттал-бей, бывший османский *паша* (*pasha)*, перешедший после 1783 года на русскую службу, в 1792 году получил более 10 000 десятин *(desiatins)* земли [16].

В начале 1805 года Чернов, русский помещик, от имени русских членов комиссии потребовал игнорировать жалобы татар и требования о возвращении земель. Лопухин, по совету Сумарокова, отклонил эту просьбу. Но это показало, что не все группы в комиссии работали для достижения одних и тех же целей. Наконец, в 1807 году крымский губернатор Мертваго попросил комиссию разобраться, какие семьи крымских *мурз* к какому сословию крымской знати принадлежат. Под угрозой роспуска за непредставление сведений, после которого решения по этим вопросам будут приниматься только губернатором, комиссии потребовалось всего несколько месяцев, чтобы сделать некоторые выводы; они просто решили, что большинству татарской знати будет присвоен титул *дворянина* [17].

В заключительном докладе комиссии говорилось, что земли, занятые к этому времени, а также пустующие и те, которые можно доказать, что когда-то они были частью семейного достояния, будут зарегистрированы как поместья, принадлежащие семье *мурзы*. Не предпринимать никаких попыток восстановить земли, изъятые у *мурз* после 1783 года, и исключить татар без земель. Кроме того, татары, поступившие на русскую службу и получившие гражданские и военные чины, должны были быть возведены в ранг *дворянства* со всеми вытекающими привилегиями, даже если они не принадлежали ни к одному из традиционных родов *мурз*. В 1810 году после принятия этих рекомендаций комиссия была распущена [18]. Однако, несмотря на эти рекомендации, проблемы крымской знати сохранялись. Перед лицом славянской колонизации и захвата земель в этом районе, недоверия со стороны российских чиновников и потери значительной

части своего богатства после 1783 года, авторитет и престиж *мурз* постепенно ослабевали.

Хотя российские законы того периода и создают впечатление, что права и привилегии, предоставленные *мурзам* после 1783 года, были сохранены и постоянно подтверждались, но, фактически, следующие один за другим указы, требовавшие введения для них *дворянских* прав, указывают, что они либо не получили их, либо не смогли сохранить эти права. Например, в 1835 году был издан указ, разрешающий (будто бы впервые) крымским *мурзам* принимать участие в выборах *дворянства* – и это примерно через пятьдесят лет после того, как они уже получили это право [19].

В 1839 году впервые крымским *мурзам* было предоставлено право, которым их российские коллеги пользовались более века. Они могли зарегистрировать своих детей в звании *дворянина* до того, как их дети пройдут какую-либо государственную службу [20]. Затем, в 1840 году, был издан указ (опять-таки, как будто впервые), в котором говорилось о том, что мусульмане, проживающие в Таврической губернии, имеют право на получение *дворянского* чина [21].

Эти права, обещанные в манифесте об аннексии и ратифицированные в эдиктах 1784 и 1794 годов, были в 1840-х годах привилегиями, предоставленными только специальным правительственным указом. Кроме того, все большее давление на татарское землевладение оказывало все увеличивающееся славянское население, представители которого гораздо лучше справлялись с бюрократической системой. В Симферополе в 1829 и 1830 годах были открыты новые конторы и комиссии для наделения землей и решения споров между крымскими татарами и русскими. Крымскому дворянству было предложено избрать представителей в эти комиссии. Представители должны были быть выбраны из родовитых *мурз,* которые «легко справлялись с русским языком» [22]. Но предпринятые действия мало что сделали для облегчения растущего обнищания традиционной крымскотатарской элиты.

Несмотря на эти трудности, некоторые татарские *мурзы* адаптировались к русским принципам и служили государству как в гражданском, так и в военном отношении. К концу XVIII века трое из числа крымскотатарских *мурз* были награждены чином коллежского советника: Мехметша Бей становится предводителем крымского дворянства Таврической области, Казиндар Мегметага (Мехмет ага) назначается областным судьей, Темир Ага – советником крымской секции местного гражданского суда. Кроме того, было пять крымских коллежских асессоров (заседателей): Кутлуша Ага (советник палаты уголовного суда), Аджи Гази Ага (назначен асессором палаты гражданского суда), Мехметша Мурза (советник казен-

ной палаты), Хамит Ага (советник казенной палаты) и Джаум Ага (асессор палаты уголовного суда) [23].

Военная служба крымских татар

Еще более достойным упоминания является участие крымских татар в русской военной службе. В 1784 году Потемкин сформировал три крымскотатарских полка, которыми командовали бывшие военнослужащие армии Шахин Герая. Подготовленные еще до 1783 года русскими инструкторами крымскотатарские офицеры и их войска приняли участие в русско-османской войне, в результате которой был взят Очаков. Платон Зубов, исполнявший обязанности губернатора Крыма в последние годы правления Екатерины, сообщал, что татары хорошо несут службу, верны и заслуживают большой похвалы со стороны правительства [24].

С началом русско-французских военных действий в 1806 году Муртаза Челеби, муфтий крымского духовенства, обратился к губернатору Мертваго с просьбой о создании дополнительных крымскотатарских кавалерийских полков. В 1807 году были созданы четыре новых крымскотатарских полка, которыми командовали крымскотатарские офицеры. В мае 1808 года эти полки были отправлены на фронт под Вильно, где, согласно рапорту Херсонского уездного военного губернатора, «крымскотатарские отряды были одними из лучших». Вновь в 1812 году они участвовали в крупных сражениях на прусской границе. Из пятидесяти крымскотатарских офицеров, выходцев из Крыма, двадцать пять были убиты в бою. В результате достигнутых ими успехов Александр I в конце войны переформировал крымскотатарскую кавалерию в регулярные кавалерийские полки [25].

Несмотря на интенсивную эмиграцию представителей крымскотатарской элиты после 1815 года и несмотря на то, что русские продолжали возражать против их включения в состав дворян, крымскотатарские части продолжали достойно нести службу. В 1826 г. был создан крымскотатарский легкий гвардейский эскадрон, одна часть которого должна была служить в Санкт-Петербурге в составе царской легкой гвардии, а другая остаться на службе в Крыму. Во время османской войны в 1828 году петербургский эскадрон был отправлен в Варну, где он развеял любые опасения относительно продолжения поддержки крымскими татарами своих мусульманских и тюркских братьев. Этот легкий гвардейский эскадрон продолжал служить царям до военной реформы 1864 года [26].

В 1837 году, очевидно, по просьбе своих лидеров крымскотатарское крестьянство, освобожденное от призыва в армию после аннексии, получило разрешение подавать заявление о вступлении в армию. Несмотря на все эти факты в советском изложении истории Крыма обычно утверж-

дается, что «крымские татары никогда не были лояльными или заслуживающими доверия» [27].

Решающим испытанием для крымских татар на лояльность царскому режиму и полезность их в качестве военнослужащих российских вооруженных сил стала Крымская война, которая велась на их собственной земле против их религиозных единомышленников и этнических соседей. Но даже в это время большинство крымских татар оставались верными подданными. Хотя из соображений безопасности местный губернатор Пестель приказал вывезти местное гражданское население с побережья и переселить вглубь страны, крымские лидеры не оказали существенного сопротивления (это переселение используется некоторыми историками как доказательство недоверия правительства к крымским татарам).

Крымскотатарские полки, находившиеся на службе в Крыму, с успехом противостояли французам и англичанам, в то время как полки, дислоцированные в Санкт-Петербурге, несли караульную службу в Кронштадте. В 1863 году, отчасти в знак признания их заслуг во время войны, был создан специальный Крымский кавалерийский конвой для обслуживания самого царя.

Опять же в османской войне 1877–1878 годов крымские войска участвовали в боевых действиях как на Балканах, так и на Кавказе. Таким образом, нет никаких доказательств в пользу часто высказываемого и общепринятого утверждения о том, что крымские татары в XIX веке были совершенно неблагонадежными подданными. Значительная часть их участвовала в российских военных предприятиях и получила заслуженное вознаграждение за свою службу [28].

Эмиграция крымских татар

Однако Крымская война стала последней каплей для большого числа крымскотатарских *мурз*, так и не адаптировавшихся к требованиям российской службы: после войны значительная часть крымскотатарской элиты эмигрировала в Османскую империю. В этом заключается главная трагедия, постигшая крымских татар в XIX веке. Хотя по некоторым оценкам число крымских татар, покинувших Крым до конца XVIII века в связи с реорганизацией крымской территории в 1796–1802 годах, достигает 80 000 человек, основной отток произошел после Крымской войны [29]. Судя по всему, это стало результатом целенаправленной политики правительства, направленной на поощрение их отъезда.

До войны правительство стремилось не поощрять подобную эмиграцию. Находившийся в то время на посту губернатора Новороссии Дюк (герцог) де Ришелье инспектировал Крымский полуостров и пришел к выводу, что любой массовый «исход крымских татар будет иметь губи-

тельные последствия для этого района» [30]. Однако после Крымской войны ситуация претерпела изменения. По словам Александра II, присутствие крымских татар в Крыму было нежелательным и потенциально опасным. Он получил ложную информацию о том, что крымские татары в массовом порядке сотрудничают с французами и британцами, и на основании этого принял решение облегчить и поощрить их отъезд в 1859 году. Сообщается, что царь отозвался о крымскотатарской эмиграции: «Не подобает возражать против открытого или тайного исхода крымских татар. Напротив, эту добровольную эмиграцию следует рассматривать как благотворное действие, рассчитанное на освобождение территории полуострова» [31]. Османские источники подтверждают наличие большого числа беженцев из Крыма, временно проживающих в таких городах, как Синоп и Стамбул [32].

В этот период население Крыма сократилось с 275 000 в 1850 г. до 194 000 в 1860 г. Из них менее 100 000 крымские татары. Очевидно, что это был не лучший способ увеличить сельскохозяйственное и экономическое производство на полуострове. С некоторым запозданием правительство решило не поощрять дальнейшую эмиграцию. К середине лета 1860 года крымским татарам больше не выдавались паспорта, им угрожали тем, что каждому крымскому татарину, покидающему страну по какой-либо причине, будет отказано в возвращении. Однако ущерб уже был нанесен [33].

Царь решил, что с оставшимися крымскими татарами надо обращаться хорошо, иначе они тоже могут поддаться панике и эмигрировать при первой же возможности. В ноябре 1860 года граф Тотлебен (Count Tonleben), следователь правительства, рекомендовал «избавиться от идеи, что крымские татары были врагами государства, идеи, которая потом помогла спровоцировала эмиграцию» [34]. Однако оставшиеся крымские татары все больше осознавали будущую политику государства.

Города Крыма

Вскоре после аннексии политика России в отношении городов Крыма привела к серьезным изменениям и вызвала перемещение населения. За исключением Бахчисарая и Карасувбазара, города Крыма были переименованы, получив русские и другие нетатарские названия. Они стали виртуально славянскими и греко-армянскими островами в татарском море. Нетрудно понять, почему это произошло. Такие города, как Кефе и Гёзлеве, при крымскотатарском правлении игравшие важную экономическую роль в южной торговле, утратили свои функции с началом строительства русскими новых портовых городов. Расширение Севастополя и Балаклавы в качестве базы русского флота на полуострове, Херсона в устье Днепра и

Одессы далее на юг вдоль побережья привели к замене ими старых, важных крымскотатарских портов. Новые города были построены и заселены городским населением, предложенным правительством из чисто военных и экономических соображений. Кефе и Гёзлеве резко уменьшились в размерах и пережили экономический спад. Немногочисленные оставшиеся крымскотатарские городские слои населения уехали, переехав, в основном, в Бахчисарай, где проживало большое количество крымских татар. Некоторые крымские татары остались в Симферополе, административном центре полуострова, но в течение столетия доля крымских татар в населении Симферополя продолжала сокращаться и к концу века составила едва ли четверть его общей численности [35].

В Бахчисарае поддерживался закрытый вид традиционного татарского городского сообщества. Крымскотатарские ремесленники продолжали организовывать самоуправление, в основе которого была система гильдий. Гакстгаузен сообщал, что в течение года «каждая гильдия отмечает свои праздники, на которых подмастерья получают разряд и их объявляют мастерами своего ремесла» [36].

Во всех остальных городах Крыма крымских татар не допускали к участию в городском управлении. И нет никаких доказательств, свидетельствующих об участии крымских татар в городском самоуправлении в таких городах как Симферополь, Феодосия, Старый Крым, Евпатория, Мелитополь, Карасувбазар и Перекоп. Реестр полицейских управлений городов Крымской губернии за 1891 год свидетельствует о том, что только в Бахчисарае татары были представлены в чиновничьем аппарате. Единственным указом, признающим нерусских жителей крымского города, кроме Бахчисарая, является указ 1847 года, в котором пятидесяти крымскотатарским семьям давалось специальное разрешение поселиться «в особом квартале» в Керчи и иметь своего представителя в городском суде [37].

Это развитие событий серьезно повлияло на культуру крымских татар. До 1783 года крымские города выступали как в качестве центров встреч и коммуникаций общественного слоя *«мурз»,* так и очагами крымскотатарского самосознания. В XIX веке без стимулирующего (каталитического) эффекта крымскотатарской городской жизни высшему классу становилось все труднее поддерживать свою собственную культуру. Лишь к концу века в старых крымских городах Бахчисарае и Карасувбазаре возник новый крымскотатарский городской класс, и это привело к возрождению национальной крымскотатарской культуры, которая по форме и содержанию сильно отличалась от той, что была до 1783 года.

Крымскотатарские крестьяне

У русских также были проблемы с крымскотатарскими крестьянами, составляющими почти 90 процентов населения полуострова. В период с 1768 по 1783 год больше всего пострадал рядовой крымскотатарский крестьянин. Он не принимал участия ни в политической жизни в последние годы ханства, ни в общественной жизни в период независимости и сопротивлялся попыткам модернизаций, проводимых Шахин Гераем.

Под влиянием местного мусульманского духовенства и многовековых традиций им было трудно приспособиться к новым путям, которых требовали российские власти. Вскоре новые российские чиновники в Крыму осознали эту проблему.

По отдельности крымскотатарские крестьяне всегда были юридически свободны. Они должны были платить определенные пошлины и налоги *мурзам,* которые имели право пользоваться землями, на которых жили крестьяне. В ханстве никогда не было крепостного права, ни в каком его виде. Земельная комиссия Александра I выступала с защитой свободных крымскотатарских крестьян от усиливавшихся требований русских *помещиков* по поводу введения среди них крепостного права. Помешал этому именно Сумароков.

Хотя некоторые крымские татары утверждали, что по их давней традиции земли, отданные *помещикам,* должны были входить в состав земель, предоставленных крымскотатарским крестьянам, комиссия решила, что это будет уже слишком. Однако было решено, что труд и сборы, на которые могут рассчитывать помещики, будут основаны на принципах, преобладающих у крымских татар до аннексии. Те же самые доли крестьянских доходов, которые ханы и *мурзы* получали до 1783 года, теперь должны были забирать русские помещики [38].

Екатерина решила, что имперским интересам лучше всего послужит сохранение свободного статуса крестьян, но для этого ей пришлось включить их в класс российских государственных крестьян. Это создавало трудности для русских *помещиков,* получивших право владения крестьянскими землями. Губернатор Нарышкин в 1823 г. отмечал, что *помещик,* «получая землю с проживавшими на ней крымскими татарами, не имел права считать ее своей собственностью. Он не мог ни прогнать крымских татар, ни возложить на них обязанности, как хотел» [39].

Эта политика препятствовала ожидаемому правительством расширению сельского хозяйства в Крыму. Это также послужило поводом для *помещиков* и некоторых чиновников убедить крымских крестьян уехать во внутренние районы, где они потеряли бы свой законный статус, и в то же время освободить старые земли для крепостного права. Тем не менее, крымские татары, оказавшие сопротивление, обнаружили, что многие

местные хозяева могли рассчитывать на защиту от незаконного давления помещиков [40].

Когда во время Крымской войны многие крестьяне были изгнаны с побережья, помещики воспользовались предоставленной им возможностью и приложили огромные усилия, чтобы не допустить их возвращения. Они установили более высокие налоги и пошлины на возвращающихся крымских татар и захватили сельские источники водоснабжения, вынудив многих крестьян оставаться внутри страны или, в крайнем случае, эмигрировать в Османскую империю. К этому времени политика правительства по защите крестьян была подорвана, а растущая слабость крымскотатарских *мурз* и сила славянских переселенцев вызвали серьезные проблемы у крестьян [41].

Освобождение от крепостного права в 1861 г. создало новые проблемы для крестьян Крыма. Как правительство относилось к государственным крестьянам, проживающим на помещичьих землях, и как оно создавало новые отношения, соответствовавшие тем, которые существовали во внутренних губерниях, до конца не известно. Исследования, основанные на архивных источниках и посвященные этим вопросам, не проводились, а опубликованные источники дают лишь отрывочные и неадекватные объяснения результатов декрета об освобождении и последующего крестьянского законодательства применительно к Крыму.

Помимо поощрения желающих покинуть Российскую империю со стороны Александра II, единственными обнаруженными документами являются упоминания о создании в Крыму комитета по надзору за изменением условий содержания *помещичьих крестьян (pomeshchik)*, закрытии всех районных земельных комиссий и сельских администраций, а также открытии новых волостных *(volost')* управ. Тем не менее, до тех пор, пока не было собрано земство *(zemstvos)* в конце века, практически не было доказательств, которые помогли бы прояснить влияние освобождения от повинности на крымских крестьян или дворянство [42].

Русская колонизация

Наибольшее давление на крымское население оказала растущая славянская колонизация, которую правительство поощряло. Не подлежит сомнению, что со времен Екатерины II администрация рассматривала Крым и как большой потенциальный экономический ресурс, и как экзотическое место для жизни. Екатерина подарила фаворитам и другим чиновникам более чем десятую часть земли на полуострове. Большая часть этих дарений поступила посылками по 500 до 2000 десятин *(desiatins)*. Самый крупный грант – более 20 000 *десятин*, предоставленных правительством в течение первых десятилетий российского правления, поступил

из земель, конфискованных у крымских землевладельцев, эмигрировавших после 1783 года, и из собственных владений хана.

Некоторые участки наиболее ценной прибрежной собственности, которая использовалась для выращивания виноградников, были переданы по контракту иностранным предпринимателям. Первым из них был француз Жозеф Бланк (Josef Blanc)[2], получивший право использовать землю вблизи Судака для производства вина и под завод по производству водки [43].

Правительству было трудно убедить переселиться в Крым по возможности большему количеству землевладельцев и крестьян, как оно того желало. Некоторые *помещики* предпочли использовать уже проживающих на земле крымскотатарских крестьян. Разумеется, они сочли невозможным заставить государственных крестьян переехать. По подсчетам одного исследователя, к 1793 году русские помещики смогли привезти в Крым только 226 крепостных – мужчин, хотя другие области Новороссии они заселяли более успешно [44].

Вместо этого русские были вынуждены ввозить представителей других национальностей, чтобы заполнить то, что казалось излишне пустой и непродуктивной землей. Старообрядцев, армян, греков, болгар, немцев и даже швейцарских колонистов приветствовали в Крыму щедрыми землями и финансовыми привилегиями. Швейцарская колония прижилась под Феодосией, немецкая колония под Симферополем и болгарская – на реке Алма [45].

И все же общее число поселенцев и колонистов в Крыму к концу XVIII века было неутешительным. Сумароков на основании заключений земельной комиссии, в которой он работал, подсчитал, что к 1802 году общее количество поселенцев составляло 4500, а общее количество *помещиков* – только 8700. И это при общей численности населения более 185 000 человек [46].

Правительство продолжало свою политику поощрения колонизации и расселения любыми возможными средствами до конца XIX века. Между 1820 и 1860 годами эта политика была гораздо более успешной. На южном побережье полуострова, где климат и земля были лучше, чем на севере, заселение деревень и городов усилилось настолько, что к 1854 при общей численности более чем 250 000 человек крымские татары составляли только 150 000, русские же более 70 000 человек, а остальную часть составляли греки, армяне, немцы и евреи [47].

---

[2] В материалах из фондов РГАДА указывается, что Жозеф Бланк, молодой французский винодел из Астрахани, был переведен князем Потемкиным в Крым в 1784 году и назначен директором казенных виноградников вокруг Судака и Феодосии. Источник: http://ccssu.crimea.ua/crimea/etno/articles/fran/index.htm, https://xor-com.ru/page24201552.html

После Крымской войны переселенцам, прибывающим в Крым, были обещаны новые привилегии (финансовые и социальные). В 1862 году каждому, кто решит поселиться в крымском городе или поселке, предоставлялись особые льготы в городских корпорациях, которые в обычных условиях новоприбывшим были недоступны. В том же году были выделены средства на оплату покупки земли и расходов на проживание для всех иностранцев, прибывающих на поселение в Крым из Османской империи [48].

Война с Османской империей в 1877 году спровоцировала новую волну массовой крымскотатарской эмиграции, которая продолжалась более медленными темпами до 1902 года. В отчаянной попытке противостоять этому движению и побудить некоторых крымских татар вернуться, правительство предприняло беспрецедентную акцию, пообещав полное помилование и прощение всем крымским татарам, которые «сбежали из своих домов и теперь хотят вернуться на родину». Однако это оказалось безуспешным, и к 1890-м годам недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве, а также в городах вынудил правительство импортировать рабочую силу из внутренних провинций и с Кавказа [49].

Таким образом, социальная политика правительства в течение первых двух третей XIX века усугубила разрушение и искоренение традиционной крымскотатарской социальной структуры, имевшей место до 1783 года. В результате эмиграции и переселения славян класс *мурз* был уничтожен. Экономическая основа их положения потерпела крах. Та часть крымскотатарской знати, которая в полной мере приобрела *дворянский* статус, по сути, была русифицирована, тем самым соответствуя официальным требованиям лояльности. Таким образом, Александр II мог одновременно поощрять депортацию и эмиграцию, а также создавать верные (лояльные) крымскотатарские воинские части для своей собственной службы. Численность же крымскотатарского городского сословия сократилась, а значимость его уменьшилась и была изолирована в двух центральных крымскотатарских городах, оба из которых не являлись центрами крымскотатарского общества. Крымскотатарские крестьяне после благоприятного начала потерпели неудачу больших масштабов в результате политики правительства во время Крымской войны. Стало ясно, что если появится новая крымскотатарская национальная идентичность или движение, то оно должно выйти из новой конфигурации крымскотатарского общества.

10. Крымскотатарское национальное пробуждение

Зарождение национального движения крымских татар относится к последней четверти XIX века. Являясь одновременно частью общемусульманского и общетюркского пробуждения в Российской империи, оно также было специфически крымскотатарским движением. Национальное движение возникло в результате двух отдельных, но связанных между собой конфликтов. С одной стороны, это был конфликт между мусульманским населением и российским правительством. С другой стороны – внутри мусульманского сообщества, между традиционным духовенством и новой крымской интеллигенцией, которая стремилась к модернизации и формированию новой крымскотатарской идентичности. Потенциальная несовместимость этих двух конфликтов вызвала внутренние противоречия в крымскотатарском движении возрождения. Как модернизироваться, не поддаваясь прозападной культуре русских, это было самой сложной проблемой, с которой пришлось столкнуться новым крымскотатарским лидерам. Причиной развития этого противостояния внутри крымскотатарской общины послужила политика, проводимая царским правительством.

Разрушение крымскотатарской архитектуры

Культурную политику России по отношению к крымским татарам можно разделить на два направления: первое касается мусульманского культурного наследия, а второе – сугубо религиозных вопросов. Проще говоря, русские испытывали полное неуважение к мусульманской крымскотатарской культуре. Поскольку они не признавали Крым крымскотатарской в основе своей провинцией, большинство русских считали памятники крымскотатарской культуры, пережившие аннексию, напоминанием об отсталом и нецивилизованном периоде. Большинство губернаторов и чиновников не прилагали никаких усилий для сохранения архитектурных памятников ханского периода. Иностранные гости Крыма были в ужасе от разрушений, которые они могли наблюдать во всех частях Крыма, кроме Бахчисарая. Эти города, некогда бывшие центрами крымскотатарской культурной жизни, теперь были исключительно уделом немусульман, которые не видели причин сохранять бесполезные здания.

Первый губернатор Крыма В.В. Каховский приказал уничтожить многие из самых «бесценных» сокровищ крымскотатарской и итальянской архитектуры. Чуть позже путешественник Гакстгаузен заметил, что Каховский разрушил «лучшие памятники старины, в том числе красивую башню, построенную генуэзцами, которая служила минаретом главной мечети в Кефе». По этому поводу профессор Дружинина писала, что «Каховский был не лучше своих монголо-татарских предшественников» [1]. Эдвард Кларк, проезжая через Крым в 1809 году, писал:

«В Каффе солдатам было позволено разрушить красивые мечети или превратить их в магазины, снести минареты, разрушить общественные фонтаны и все общественные акведуки ради небольшого количества свинца…

На Карасубазаре с крымскотатарских кладбищ были сняты надгробные плиты, они были разбиты или обтесаны для использования их в качестве строительного материала…

В Гезлеве была уничтожена его торговля, дома в руинах, улицы пустынны, великолепные мечети, которыми он был украшен, лишены крыши, а их минареты сброшены» [2].

Александр Пушкин, пребывавший некоторое время в Крыму, так описал свои впечатления от дворца Бахчисарай, превращенного в резиденцию российского губернатора:

«Войдя во дворец, я увидел разрушенный фонтан. Вода капала из ржавого железного носика. Я бродил по дворцу, возмущенный небрежностью, с которой ему позволили разрушиться, и полуевропейской реконструкцией некоторых комнат» [3].

Наконец, Сеймур, путешествуя по Крыму в 1850-х годах, описал разрушения, имевшие место в Симферополе в 1830-х годах:

«В 1833 г. гражданский губернатор господин Каснатчаев М.[3] самым варварским и невежественным образом завершил работу по разрушению, напав на огромные бани, которые остались нетронутыми. Он выпросил позволения у князя Воронцова, имея целью увеличить достаточно большую площадь, потому что она была слишком мала для проведения парадов. Он получил его и принялся разрушать мечеть и бани. В течение двух недель с помощью кирки и пороха оба этих замечательных памятника полностью исчезли. В 1840 году большая площадь была заполнена драгоценными материалами, которые местная администрация продавала по цене обычного камня…

Исчезли все прекрасные и богатые фруктовые сады, ранее окружавшие город во времена крымских татар. Одной-единственной зимы хватило для двух русских полков для уничтожения всех следов блистательной культуры, ранее покрывавшей холмы…

Высокие и величественные минареты, возвышенные шпили которых придавали городу такое изящество и достоинство, ежедневно равняли с землей, и которые кроме их связи с религиозными учреждениями, на содержание и сохранение которых была заложена Российская империя, не

[3] Градоначальник *Казначеев* Александр Иванович, отдавший приказ о разрушении мечети и бань, являвшихся историческим творением великого зодчего Сенана. http://politika-crimea.ru/krym-do-1991-goda/1162-razdely/krym-do-1991-goda/89467-gubernatory-tavricheskoy-gubernii.

представляли для своих разрушителей никакой другой ценности, кроме снабжения нескольких солдат пулями [4].

Чтобы представить эти события в перспективе, стоит процитировать некоторые высказывания из недавнего советского изложения истории Крыма. В начале XIX века, как писал Надинский:

«Крым был приграничным регионом. Татары по-прежнему вели кочевой или полукочевой образ жизни… Лишь Бахчисарай и Карасубазар сохранили свои отсталые средневековые черты… В этом веке Крым был приобщен к русской культуре. Он стал неотъемлемой частью Российского государства. К середине XIX века Крым шагнул вперед по пути прогресса и цивилизации» [5].

Россия и крымский ислам

С другой стороны, царское правительство уделяло необычайно пристальное внимание религиозным вопросам. В соответствии с просвещенной политикой Екатерины по отношению к исламу во всей империи, новый режим не ввел никаких религиозных преследований. Несмотря на то, что в Крыму они жили при колониальном режиме, мусульманские сановники стали частью самого режима. Регулируемые правительством, получая большую часть своих доходов от русских, они поддерживали царскую систему. В результате манифеста об аннексии, в котором говорилось, что «все мусульманское духовенство, существовавшее во времена хана Шахин Герая, остается на своих должностях и сохраняет свою прежнюю власть», правительство последовательно проводило политику предоставления большой инициативы крымскому духовенству [6].

Екатерина отделила религиозные вопросы от гражданских и позволила религиозному управлению действовать по принципам, отличным от принципов социальной и политической жизни. Она учредила мусульманский комитет мусульманских сановников для надзора за религиозными вопросами и проинструктировала российских чиновников держаться подальше от строго мусульманских религиозных вопросов.

В 1791 году, после смерти муфтия Мусалара Эфенди (Musalar Efendi), была создана основа для вмешательства России в дела высшего крымскотатарского духовенства. По рекомендации крымского губернатора его место занял *кадиаскер* Сеит Мехмет Эфенди. По словам губернатора, новый муфтий был «человеком, преисполненным преданности Престолу, верным своему долгу, умным и справедливым». По совету нового муфтия губернатор преобразовал должность *кадиаскера* в новое «духовное управление», состоящее из шести «хорошо подобранных» представителей высшего крымского мусульманского духовенства под председательством Абдурахима Эфенди [7].

Тщетно искать в этих ранних решениях и административных актах, касающихся духовенства, какое-либо четкое изложение обязанностей и ответственности, кроме призыва к продолжению прежних процедур. Вероятно, это было результатом общей путаницы в имперском правительстве относительно административных процедур во всех областях империи, путаницы, проистекающей из отсутствия целостного законодательного кодекса взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 года.

Только в 1831 году было принято всеобъемлющее законодательство, которое привело крымское мусульманское учреждение в форму, напоминающую другие имперские институты. Хотя за последующие семьдесят пять лет в татарском мусульманском сообществе произошло много событий, указ 1831 года просуществовал с незначительными изменениями до 1914 года [8].

Во-первых, указ 1831 года повторил философию Екатерины об отделении гражданского управления от религиозного и пояснил, что Крымский мусульманский религиозный комитет сохранит за собой всю ответственность по вопросам, касающимся религиозной жизни мусульман. В его компетенцию будет входить рассмотрение и решение в соответствии с мусульманским правом всех вопросов о «личной собственности, возникающей при наследовании или при разделе имущества между наследниками; вопросы брака и развода; вопросы о несовершеннолетних сиротах; вопросы о религиозных обрядах и наказаниях; вопросы о начислении религиозных сборов и финансовой поддержки, взимаемой с мусульманского населения». Духовенство было освобождено от всех имперских налогов и сборов до тех пор, пока оно соблюдало положения, содержащиеся в этом указе. Несмотря на то, что повсюду правительство пыталось рационализировать российскую правовую систему и исключить местные особенности, в Крыму правительство приняло и легализовало эти самые разногласия.

Во-вторых, в указе были определены и перечислены все должности в структуре крымскотатарского духовенства, включая *муфтия*, *кадиаскера*, *имамов, мулл* и других служителей мечетей в каждом приходе. Наконец, в нем перечислялись *мудеррисы* и ходжи в местных мусульманских школах.

Высшие должностные лица должны были избираться на выборах, проводимых Управлением по духовным вопросам в Симферополе, в которых участвовали высшие слои мусульманского духовенства, предводитель губернской знати и мусульманские старейшины всего Крыма. Мусульманский комитет, в котором заседали эти официальные лица, имел в своей юрисдикции все мечети, их школы и *текие*, а также все *вакуфные* земли.

Этот указ от 1831 года был необычным документом, поскольку он предусматривал сохранение местного партикуляризма в такой степени, как

это не делалось нигде в империи. Его ближайшим аналогом был Степной Кодекс 1822 года, но ситуация в Крыму не была сопоставима с ситуацией в Центральной и Восточной Сибири. Главный эффект от указа для высшего духовенства заключался в том, чтобы более тесно связать его с интересами престола – по сути, вербовать мусульманских сановников в качестве агентов царей в Крыму. Он также способствовал созданию разрыва между духовенством и крымскотатарскими *мурзами,* которые испытывали на себе политику русификации, с одной стороны, и отстранения от участия в местной политике, с другой.

Позднее российское законодательство, касающееся крымских мусульманских священнослужителей, лишь уточнило принципы, изложенные в первоначальном указе. В 1832 году мусульманский комитет Симферополя был обязан вести регистр рождений, смертей и браков крымских мусульман. В следующем году указ запретил российским районным судам вмешиваться в дела, подсудные *муфтию* и *кадиям* Крыма. В 1834 году правительство приняло рекомендацию *муфтия* о порядке регистрации прихожан в местных мечетях. В 1855 г. было предусмотрено назначение *имама* для поездки в составе крымскотатарского легкого гвардейского эскадрона. Даже в 1891 году, после того как Александр III довел политику русификации до крайности, указом Государственного совета был утвержден выбор крымской мусульманской общиной нового *муфтия* и нового *кадиаскера.* В 1910 году в Симферопольском мусульманском комитете было зарегистрировано более 1500 крымскотатарских священнослужителей» [9].

Образование

Предоставляя мусульманскому духовенству монополию на крымское образование, правительство поощряло культурный традиционализм. Поскольку царизм фактически разрушил светскую структуру крымскотатарского общества, эта политика гарантировала, что у крымских татар не было социальной защиты от влияния Запада. Русские настаивали на сохранении только чувства традиционной религиозной идентичности. Когда в период великих реформ (1861–1876) режим установил среди крымских татар, как и везде, систему земства и западные школы, предсказуемым результатом стало появление интеллигенции, свободной от старых социальных структур, но все еще сознательно крымскотатарской.

С самого начала, чтобы конкурировать с мусульманскими школами за лояльность крымскотатарской молодежи, русские предлагали в Крыму школы с преподаванием русского языка [10]. Но в первые годы эти русские школы не пользовались успехом. Вплоть до гораздо более позднего времени они практически не имели влияния на крымскотатарские высшие

классы. Фактически, только в 1830 году было принято решение сосредоточить большее внимание на русскоязычном обучении крымскотатарских детей в Одессе, чем на Крымском полуострове [11].

Демидов сообщил, что «татарская обычная школа», открытая в 1828 году в Симферополе, была административно привязана к новому русскому университету в Одессе. «Изучали турецкий, арабский и Коран. По окончании школы ученик должен был шесть лет служить государству». Далее он писал, что в Бахчисарае есть три медресе *(medresses)*, которые открыты для молодых крымских татар, «которые предназначены для работы в качестве государственных служащих или в мечетях. *Эфенди* обучают студентов догматам религии» [12].

Земства

После 1860 года правительство усилило конкуренцию с мусульманскими школами, принимая меры по увеличению приема детей из крымских татар низшего сословия в русские школы. Число этих школ значительно увеличилось в период с 1877 по 1898 год, когда они находились в ведении новых *земских* организаций в Крыму. Но даже здесь подавляющее большинство были мусульманами и крымскими татарами по происхождению, а не русскими. И их персонал, и направление их учебной программы контролировалось Мусульманским Комитетом в Симферополе [13].

Распространение *земских* реформ в Крыму привело к важным изменениям и нововведениям в крымскотатарском обществе. Созданные и финансируемые ими школы со временем стали источником новой крымскотатарской интеллигенции. Крымские татары были представлены на различных должностях, от школьных работников до санитарных работников и медицинского персонала, и приобрели важный опыт работы в правительстве и социальной сфере и постепенно вытеснили старую и ослабленную крымскотатарскую элиту.

Веселовский приводит множество статистических данных о деятельности земства в Крыму. При внимательном изучении их впечатляет быстрый рост расходов во всех сферах деятельности *земства*, значительная часть которых шла на пользу крымскотатарскому населению. В Симферопольском и Перекопском уездах, где проживало много крымских татар, расходы *земства* выросли с 1877 по 1903 год в четыре раза. В Феодосийском и Ялтинском уездах, где население почти некрымскотатарское, расходы за тот же период выросли примерно в три раза. Возможно, это отражало большую потребность в татарских районах из-за более низкого уровня грамотности (на русском языке) и менее развитых медицинских учреждений. Процентное соотношение расходов наглядно демонстрирует,

что в этих двух крымскотатарских районах медицинские расходы были значительно выше, чем в сугубо российских округах [14].

Однако к 1898 году в Симферопольском районе на каждые 14 000 жителей приходился только один врач, а в Ялтинском районе один врач был на каждые 7 000 жителей. Еще более показательны цифры по больницам и используемым койкам. В Симферополе было три больницы в общем количестве на 9 коек. В Ялте было шесть больниц на 70 коек, а в Днепровском районе – десять больниц на 157 коек» [15]. Но при этом у крымских татар были все основания довольствоваться направлениями деятельности *земства,* касающимися их жизни. Неудивительно, что следующее поколение крымскотатарской элиты высоко оценило движение *земства.*

Однако новая крымскотатарская интеллигенция, вышедшая из школ *земства*, с самого начала была не революционной (здесь кроется разница между татарским развитием и развитием Польши, где русские способствовали сохранению до 1863 года старой социальной структуры). В самом деле, из-за контроля консервативного духовенства над крымскотатарскими школами до 1867 года первые попытки реформ возникли за пределами Крыма. Первые подобные идеи по изменению татаро-мусульманского образования возникли в 1850-х годах в Поволжье среди казанских татар, принадлежавших к городской буржуазии. Отсутствие такой группы в Крыму означало, что подобные идеи нелегко находили там благодатную почву.

Именно Шигабутдин Марджани (Shihabeddin Merjani), казанский татарин, положил начало движению за реформу татарского мусульманства. Историк и педагог, Марджани не видел противоречия между сохранением верности своему мусульманскому наследию и изучением русского языка. Он считал, что тюркский и арабский языки, используемые народами и государствами, враждебными вестернизации и модернизации, не могут служить средством внедрения современных идей в их общества. Он знал об успехах, достигнутых в первой половине века в Египте под руководством Мухаммеда Али, который нашел французский язык инструментом образования среди своих арабских подданных. Марджани не изменял исламу, он был его твердым сторонником, убежденным, что выживание ислама зависит от его адаптации к современному миру [16].

Гаспралы (И. Гаспринский)

В Крыму появление новой крымской интеллигенции было связано с именем Исмаил бея Гаспралы (Гаспринского), последователя идей Марджани. Выходец из обедневшей крымскотатарской дворянской семьи, Гаспралы начал свое образование в традиционном (обычном) деревенском *медресе*. При поддержке друга из городской купеческой гильдии Гаспралы уехал сначала в Санкт-Петербург, изучал там русский язык, затем в Париж,

где выучил французский, и через пять лет в 1866 году вернулся в Крым [17].

В 1871 году Гаспралы отправился в Стамбул; следующие четыре года он провел, обучаясь в Стамбуле и в Париже. В Стамбуле он имел возможность ознакомиться с деятельностью «младоосманов»; в Париже контактировал как с либералами, так и с социалистами. Вернувшись в Бахчисарай в 1875 году, он познакомился с идеями Марджани и на основе опыта, приобретенного в Европе, пришел к выводу, что предписания Марджани для ислама [для мусульманской уммы – ред.-пер.] – это путь, по которому должны следовать мусульмане. Путь в современность для российских мусульман был неразрывно связан с русским языком и русской культурой. Крымским татарам в XX веке было трудно принять его точку зрения.

По возвращении в Бахчисарай в 1875 году Гаспралы был назначен преподавателем русского языка в *медресе.* Он занимал эту должность в течение двух лет. За это время им были изучены работы некоторых русских славянофилов, в частности Каткова. Гаспралы начал разрабатывать основы своих патриотических идей. В 1877 году крымские татары Бахчисарая избрали его мэром города, и он занимал этот пост в течение пяти лет. В 1881 году Исмаил бей ушел в отставку, чтобы посвятить свое время образованию и журналистике [18].

Его происхождение из сословия, больше всего пострадавшего в XIX веке, а также обучение традиционным исламским предметам, последовавшее затем знакомство с обществом, которое должно было показаться несколько странным обществом в России и Франции, побудили его бросить первые внутренние вызовы наследным традициям крымских татар. Будучи глубоко убежденным, что его собственное крымскотатарское общество находится под угрозой полного внутреннего коллапса, поскольку его традиции слишком слабы, чтобы противостоять политическим и социальным вызовам со стороны России, он считал, что перед крымскими татарами – равно как и перед всем российским исламским сообществом – стоят только два варианта. Первый – их полная ассимиляция в российском обществе путем русификации; второй – обновление исламского и татарского общества путем принятия западных (российских) форм, заключающих в себе исламское и татарское содержание.

Как ни странно, Гаспралы считал, что ассимиляция станет неизбежным результатом сохранения монополии мусульманского духовенства на татарское образование, поскольку их крайний консерватизм и устаревшие учебные программы не могли подготовить крымских татар к сопротивлению русификации.

Только заимствование русских образовательных и культурных методов могло сформировать класс крымских татар, который смог бы сохранить лучшее из своих собственных традиций. Это поставило его в затруднительное положение, когда он отстаивал как изучение русского языка, так и включение западных (русских) естественных и социальных наук в учебные программы крымскотатарских школ. Он считал, что только овладевшие такими навыками студенты смогут противостоять посягательству России на принципы их исламского общества.

Куратор Одесского учебного округа в 1870 году предоставил графу Толстому меморандум, в котором утверждалось, что правительство проявляло небрежность в отношениях с мусульманами империи и что последние должны быть обязаны изучать русский язык. Гаспралы осознавал риск, который несет такая политика для мусульман, риск, удачно отраженный в ответе Толстого о том, что «официальной целью образования для всех туземцев, бесспорно, должна быть их русификация и их слияние с русским народом» [19].

В 1881 году Гаспралы опубликовал свою первую важную книгу «Русское мусульманство» *(Russkoe musulmanstvo)*, в которой призвал к полной и немедленной модернизации российского ислама. Он считал, что Россия «станет одним из величайших мусульманских государств в мире», что она является наследницей бывших татарских владений и что рано или поздно русские и татары будут пользоваться такими же правами. Он был убежден, что правительство рано или поздно откажется от идеи русификации. Гаспралы писал:

«Я верю, что русские мусульмане будут более цивилизованными, чем любой другой мусульманский народ. Мы устойчивая нация, дайте нам возможность учиться. Вы, великие братья, даете нам знания. Науки надо допускать в татарские школы, причем на татарском языке. Новые школы должны быть построены в Баку, Ташкенте, Казани. Учителя должны быть выпускниками специально созданного Русско-Восточного университета, так же, как в Индии, где ученики получают образование в индийских школах и на индийском языке. Так придут к взаимопониманию русские и мусульмане» [20].

Два года спустя, 10 апреля 1883 года, Гаспралы представил свой журнал «Терджиман-Переводчик» *(Tercuman-Perevodchik)*. В своей редакционной статье Гаспралы писал:

«Ровно сто лет назад, 8 апреля 1783 года, маленькое ханство, измученное беспорядками и кровопролитием, вошло в состав величайшей империи в мире и получило мир под покровительством могущественной державы и защитой справедливых законов…

Отмечая этот день вместе со всеми другими народами (Российской империи), крымские мусульмане не могут не вспомнить все те добрые дела, которыми они пользуются уже сто лет» [21].

В первых выпусках «*Терджимана» (Tercuman)* Гаспралы призывал к модернизации русского ислама, равенству женщин в мусульманском мире, созданию единого тюркского языка для использования в прессе, а вместе с ним и к созданию единой тюркской образованной элиты, объединяющей Российскую и Османскую империи. Кроме того, он развил идею, что один тюркский язык может служить всем тюркам. Это была не панисламская тема, а тема пантюркизма. Действительно, тюркизм был провозглашен той категорией, к которой принадлежали все турки (Türkçülük) [22].

Единственный путь к этому возрождению лежал через образование. В своей собственной школе в Бахчисарае он начал использовать новый метод обучения, при котором традиционные исламские предметы, такие как изучение Корана и основы исламского права, оставались в учебной программе на арабском языке. Дополнительно к этой базе он ввел историю, географию и математику на русском и крымскотатарском языках. Он писал:

«… Школы должны открыть путь нашему языку и нашей литературе. Это должно привести нас к общему пониманию. Развитие наших языков привело нас к тому моменту, когда мы не можем понимать друг друга…» [23].

Новый язык, к которому он призывал, должен был быть основан на том, к чему призывали «младоосманы» – тюркским языком, очищенным от множества арабских и персидских компонентов. Девизом его нового метода обучения и его журнала «*Терджиман*» *(Tercuman)* было *Dilde, Fikirde, Ishte birlik*. («Единство в словах, мыслях, делах» или «Тильде, фикирде, иште, бирлик»») [24].

Вначале у «*Терджимана»* не было большой читательской аудитории, но он был широко распространен во всем мусульманском мире. В 1885 году у него было около 1000 подписчиков, из которых 300 были в Крыму, 300 – в мусульманском Поволжье, 150 – в Дагестане, 50 – в Сибири и 200 – в Средней Азии. К 1907 году его читательская аудитория увеличилась до более 5000 экземпляров каждого выпуска. В 1912 году у *«Терджимана» (Tercuman)* были подписчики не только в Российской империи, но и в Стамбуле, Каире, Кашгаре и Индии. Советский востоковед Самойлович писал, что его язык в 1910 году не представлял больших трудностей для образованных читателей Турции, Кавказа, Закаспийского региона, Поволжья и Туркестана, указывая на то, что с годами усилия Гаспралы принесли результаты [25]

Гаспралы всегда старался увести своих последователей от политической оппозиции российскому правительству. Он был убежден, что пози-

ция, открыто враждебная имперскому режиму, будет быстро сломлена. Гаспралы утверждал, что нет никакого противоречия между поддержкой царизма и стремлением к мусульманско-татарской реформе и национальной идентичности. Любая борьба против России была бы невозможна, и ислам на самом деле выиграл бы от сотрудничества с Россией.

Это мнение он наиболее четко выразил в 1896 году в своем эссе под названием «Русско-Восточное соглашение. Мысли, заметки, пожелания», в котором он писал: «Мусульманин и русский могут еще вместе или рядом пахать, сеять, растить скот, промышлять и торговать… Мы думаем, что рано или поздно границы России будут включать в себя все татарские народы... Если бы у России были хорошие отношения с Турцией и Персией, она стала бы родственной всему мусульманскому востоку и, несомненно, встала бы во главе мусульманских народов и их цивилизаций, что Англия так настойчиво пытается делать» [26].

Поскольку старая татарская элита исчезла, а духовенство оказалось в руках царского правительства, Гаспралы должен был найти новую аудиторию для этих взглядов. Такую аудиторию он нашел среди татарской молодежи, посещавшей или недавно окончившей русско-татарские школы или его собственное новометодное *медресе*. Не все принимали его ответы, но все находили необходимым обратиться к озвученным им проблемам.

Последователи Гаспралы

В результате усилий Гаспралы возникли три хронологически различающиеся группы татарской интеллигенции: последователи Гаспралы, младотатары и татарские националисты. Неудивительно, что первая была тесно связана с самим учителем и, как и он сам, не была революционной. Она приняла его идеи и присоединилась к нему, настаивая на сотрудничестве между мусульманами и русскими. К 1905 году этой группе удалось создать в Крыму более 350 национальных школ, в которых преподавались как русский, так и тюркский языки. Эти интеллектуалы были тесно связаны с руководством российских пантюркских и панмусульманских движений, которые воспользовались потрясениями 1905–1906 годов, чтобы настаивать на улучшении положения мусульманских общин России.

В марте 1905 года Гаспралы вместе с волжским татарином Рашидом Ибрагимовым созвали в Казани собрание большого числа татарских интеллектуалов и социально-экономических лидеров для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес и озабоченность. Эта встреча побудила созвать в конце года Всемусульманский Конгресс. Также в результате этой встречи в правительство было направлено ходатайство с просьбой искоренить многие практики, которые считаются вредными для

дальнейшего развития татар и мусульман. Правительство отказалось как от принятия петиции, так и от разрешения татарам провести свой съезд.

Вместо съезда Гаспралы спланировал совершить экскурсию по Волге на прогулочном крейсере «Густав Струве» *(Gustav Struve)*. На этой встрече, названной «Конгресс на водах», мусульманские участники со всей Российской империи решили организовать союз *Иттифак (Ittifak)*, который будет отстаивать их общие интересы. Гаспралы был видным представителем крымскотатарской точки зрения. Второй съезд состоялся в Санкт-Петербурге в январе 1906 года. Он ознаменовал создание Иттифака и организовал деятельность мусульман в связи с предстоящими выборами в только что созванную Первую Императорскую Думу. Этот съезд решил объединить свои голоса с голосами кадетской партии [27].

Было ясно, что первая группа крымскотатарских интеллектуалов поддерживала желание Гаспралы работать в рамках российской системы и участвовать в новых политических институтах вместе с российскими либералами. Даже реакционные законы о выборах во вторую Думу, направленные на сокращение участия нерусских, рабочих и крестьян, не лишили Гаспралы надежды на то, что режим изменит свое мнение, когда наступят более спокойные времена. Но в законе говорилось, что «Государственная Дума, созданная для укрепления Российского государства, должна быть русской и по своему духу» [28].

При этом крымскотатарское духовенство оказывало большое давление на правительство, чтобы вывести из обращения даже относительно безобидную группу Гаспралы.

Младотатары

Подобные взгляды убедили ряд крымскотатарских интеллектуалов в неосуществимости мечты Гаспралы. Это второе поколение новой крымской интеллигенции, как по форме, так и по содержанию своих убеждений было более революционным, чем Гаспралы. И они отреагировали тем, что расценили это как политическое бездействие Гаспралы. Даже во время революции «*Терджиман» (Tercuman)* оставался аполитичным и не давал ни комментариев, ни предложений по поводу революционных событий. Таким образом, он не обеспечил того лидерства, которого желало растущее левое движение среди татарской интеллигенции. Либеральный казанский турок Габдулла Тукай сформулировал четыре основных критических замечания в адрес Гаспралы и его журнала, отражающих мышление растущего числа татарских интеллектуалов как в Крыму, так и за его пределами:

1) «*Терджиман» (Tercuman)* был написан на крымскотатарском диалекте[4] и, следовательно, был непонятен другим татарам; 2) Гаспралы был чиновником и монархическим реакционером (он встал на сторону буржуазных либералов, представленных кадетами, которые поддерживали идею продолжения централизованного российского государства); 3) он слишком часто проявлял склонность к деспотизму османского султана; и 4) он был писателем-схоластом и полностью отстал от времени [29].

В Крыму эту точку зрения высказал Абдурешит Мехди (Abdurreşit Mehdi) (*Медиев*) – выходец из крестьянской семьи Перекопа. Абдурешит получил образование в обычной крымскотатарской школе, а преподавал в русско-крымскотатарской школе Карасувбазара. Не озабоченный панисламскими и пантюркскими идеями, он был сосредоточен на проблемах крымских татар, проживающих в Крыму. Его политическая цель заключалась в активной борьбе за «национальное, социальное и политическое освобождение крымскотатарского народа», которая предполагала бы «борьбу против государственной автократической системы царской России» [30].

Мехди, тем не менее, не отказался от поддержки российской системы, чтобы отклонить свое избрание в качестве делегата во II Думу, несмотря на суровый избирательный закон. В Думе он служил секретарем думской фракции Союза мусульман России и возглавлял небольшую группу под названием «Младотатары». Однако «младотатары» не объединили свою деятельность с кадетами, обнаружив большую близость со взглядами эсеров.

В петиции «Младотатар» в Думу Мехди заявил[5]:

---

[4] Гаспринский сам использовал термин «диалект» в отношении крымскотатарского языка.

[5] «Мы, татары, знаем, что не сладко живется теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живется тяжело, а нам татарам, и другим иноплеменным народам приходится еще тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, от чего страдают и все русские люди, а кроме того, во-вторых, есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народе. В нашем народе насчитывается теперь почти 50.000 безземельных, которые поэтому должны искать работы на стороне, жить в батраках-наемниках, работать на помещиков, потому что деваться некуда, и те притесняют нас. А тут рядом есть и вакуфныя, и выморочная, и казенныя, и удельныя, и помещичья земли, которые спасли бы очень многих от бедности и нищеты, а теперь или пропадают без всякой пользы для народа, или приносят выгоду только немногим людям в ущерб трудящемуся народу. Все здешния земли были когда то землями нашего народа и все теперь перешли в другия руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или вовсе ничего. Многие из нас были обмануты и не могли найти правды ни в каком суде. Теперь наш народ не может распоряжаться даже вакуфными землями. Все вакуфные

«…наша нищета доказывает, что наши богатства лежат в чужих карманах; казна, финансовые интересы… У нашего народа 50 000 безземельных крестьян, так что земли *вакуфов*, государства и помещиков остаются непродуктивными, питая лишь немногих привилегированных.

Все эти земли в прошлом принадлежали татарскому народу; теперь всё перешло в чужие руки» [31].

И крымская делегация во Второй Думе, и многие татарские члены всероссийских мусульманских движений в следующем десятилетии были более осознанно патриотичными, чем турки и татары из других групп, которые до конца продолжали говорить в духе панисламизма или пантюркизма. Некоторые историки предполагают, что предпочтение культурной, а не территориальной автономии, высказанное волжскими татарами на заседаниях Думы, было обусловлено тем, что у них не было собственной территории, которую можно было бы легко определить. К этому времени крымские татары составляли явное меньшинство и в Крыму, и кажется, что различия в подходах были, скорее, результатом явно отличающейся социальной и культурной политики царского режима, проводимой на протяжении столетия в этих двух регионах. С роспуском Думы Мехди вернулся в Крым, где до своей смерти в 1912 году занимал пост мэра Карасувбазара. Между 1906 и 1909 годами «Молодые татары» издали газету «*Ватан Хадими*» *(Vatan Hadimi)* в Карасувбазаре. В качестве заголовка журнала Мехди и редактор журнала Хасан Сабри Айвазов (Hasan Sabri Ayvaz) выбрали высказывание Пророка Мухаммеда: «Любовь к нации – это любовь к вере»[6] [32].

Интересная серия документов из канцелярии Таврической губернии, касающихся открытия газеты «Ватан Хадими» *(Vatan Hadimi)* и ее редактора Айваза, была опубликована Кричинским. Из этих документов следует, что царские власти хорошо понимали, как опасности, связанные с движением младотатар, так и способности его руководства. Тем не менее, газета просуществовала на удивление долго, прежде чем правительство закрыло ее в конце 1909 года [33].

В ответ на откровенно националистические цели Мехди и молодых крымских татар Гаспралы начал выпуск второго журнала, «Миллет» (Mil-

---

имущества и деньги (около миллиона рублей) и земли находятся теперь в заведывании особой вакуфной комиссии, которая и распоряжается ими без согласия населения. Вакуфные земли расхищаются, а те которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу. Значит, выходит так: кто хочет обрабатывать землю своими руками, у того и нет земли, а кто сам не работает, у него земли и много». Источник: https://ayder-bektash.livejournal.com/45315.html

[6] Данное изречение не найдено в источниках сунны.

let*)* («Нация»), которым он пытался вернуть внимание крымской молодежи. Он назначил Айваза редактором нового журнала в тот момент, когда власти закрыли «*Ватан Хадими» (Vatan Hadimi)*. Гаспралы также пытался заручиться поддержкой более радикальных крымских лидеров, начав издавать журнал для крымских женщин *«Алем-и нисван» (Allem-i Nisvan)*. Содержавший иллюстрированный литературный обзор, подготовленный дочерью Гаспралы Шефикой, «*Алем-и Нисван» (Alem-i Nisvan)* продолжил общее стремление к мусульманскому просвещению, ради которого Гаспралы так много работал. Этот журнал, как и «*Миллет»,* был окончательно закрыт правительством в 1910 году [34].

Татарские националисты

Третья группа крымских интеллектуалов появилась после 1907 года. Эта группа, возникшая в период расцвета движения младотурок, базировалась в Стамбуле. В течение некоторого времени большое количество крымских студентов после завершения обучения в новометодных русско-крымскотатарских школах продолжали свое мусульманское образование в Стамбуле. В 1908 году под влиянием младотурок крымскотатарские студенты основали Крымское студенческое общество (*Кырым Талебе Джемиети),* председателем которого стал Номан Челебиджихан, секретарем Джафер Сейдахмет (Джафер Сейдамет) и казначеем Алимсейид Джемиль (Алим Сеит). Хотя это общество оставалось полностью легальной организацией до ликвидации его в 1917 году, в 1909 году возникло его тайное отделение, названное *Ветан*. Негласной целью организации было создание независимого крымского государства. Члены «Ветана» вели непрерывную конспиративную деятельность в Крыму, и к началу 1917 года «Ветану» удалось сформировать тайные патриотические (nationalistic) ячейки почти во всех городах и селах Крыма. После 1910 г. «Ветан» издавал прокламации против тирании царизма и призвал к внедрению в Крыму идей *Татарчылык (Tatarcilik) («Tatarness»)* взамен *Тюркчелик* Гаспралы.

По мнению крымскоготатарского историка политика Кырымала, «взаимодействие этих трех течений патриотической (nationalistic) мысли (*Гаспралы, младотатар и Ветан)* постепенно подготовило почву для широкого народного движения среди крымских татар, которое открыто проявилось в марте 1917 года» [35].

К началу Первой мировой войны крымскотатарская община практически не имела ничего общего с той, что существовала в 1783 году. Благодаря большому количеству татарских школ, в которых преподавание велось по модернизированной учебной программе под руководством Гаспралы, подрастало новое поколение татарских лидеров. Участие в

политической жизни империи в Думе и тесная связь с другими мусульманскими группами империи открыли лидерам крымских татар более широкий горизонт, с которого они могли видеть свое собственное затруднительное положение. И все же они не были едины. Тот факт, что мусульманское духовенство – те крымскотатарские лидеры, которые наиболее тесно связаны с крымскими традициями – было привязано к интересам и политике российского режима, заставил новых интеллектуалов искать свою новую идентичность в других направлениях. И в этом поиске многие стали жертвами «зыбучих песков» западных влияний и отвергли многие элементы своего прошлого, которые были необходимы «для их национальной идентичности».

Это вовсе не означает, что крымские татары между 1917 и 1928 годами не преуспели в создании основы для существования нации. Благодаря специфике царской политики в первой половине XIX века, разрушившей старый крымскотатарский режим, крымскотатарское общество и его интеллигенция в 1921 году были более развитыми в национальном смысле, чем многие другие группы в старой России.

Но в политической жизни крымских татар в ходе революции 1917 и после неё была определенная степень ограниченности диапазона совершенствования. Это было прямым результатом противоречий, которые породила веками проводимая политика России в Крыму.

Сложные вопросы, на которые крымскотатарским лидерам приходилось отвечать между 1917 и 1921 годами, мало чем отличались от тех, которые профессор фон Грюнбаум (Grunebaum) назвал камнями преткновения для арабских патриотов (nationalists) в XX веке: «Целью принятия влияния Запада было не совершенствование потенциала или наследия, а устранение того, что считалось неполноценным… Вопрос состоял не в том, что перенимать, откуда выбирать, а скорее в том, чтобы сохранять или, возможно, даже в том, есть ли в традиционной культуре что-либо, достойное сохранения» [36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Реорганизация Крыма

4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е издание. Т. 19. № 13 996 (1773). С. 775–776.

5. Джафер Сейдамет. Крым: Прошлое – Настоящее. (Лозанна, 1921 г.). С. 39; см. также: Раефф М. Стиль имперской политики России. С. 1–52. О превосходном анализе мотивов русских, лежащих в основе их имперского режима на юге.

6. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. Москва, 1959 г.

7. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщённые каймакамими в 1783 году. ЗООИД 14 (1886). С. 91–93; ПСЗ. 1-е издание. Т. 22 № 15.924, 15.925, 15.975, 15.988, 15.989, 16.081, 16.531 (указы о создании всех новых крымских учреждений).

8. Лашков. Статистические сведения… С. 92–93.

9. Там же. С. 94–98, включает списки опустевших городов или их частей (районов); Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия. ИТУАК. № 53 (1916). С. 158–176.

10. ПСЗ. 1-е издание. Т. 12. № 15936 (22 февраля 1784 г.). С. 51.

11. «Распоряжения... Потемкина-Таврического...». ЗООИД. Вып. 12 (1881). С. 304.

12. Раефф. С. 14.

13. Раефф. С. 15.

14. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. Москва, 1959 г. С. 97; Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 17; Надинский, Очерки. Т. I. С. 103.

15. Раефф. С. 15.

16. Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве. ИТУАК. № 51 (1914). С. 207–220. Был случай проведения противоположной политики, а именно превращение мечети в Судаке в церковь. См.: Сейдамет. Крым. С. 39.

17. Раефф. С. 13–14.

18. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 18; Дружинина. Северное… С. 118–119.

19. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 18, дает эти высокие цифры, говорящие о том, что в Крыму осталось только 60 000–70 000 татар,…живущих в пострадавшей сельской местности». См.: Фишер. Russian Annexation. С. 145–146, в качестве контраргументов. После того, как она это озвучила, в 1804 году в Крыму проживало 120 000 татар, и исход все еще продолжался, и прежние цифры кажутся неверными.

20. Дружинина. Северное. С. 119; Маркевич Арсений И. Переселение крымских татар в Турцию // Известия АН СССР. Серия 7. Вып. 4 (1928) С. 375–405.

21. Надинский. Очерки. Т. I, С. 100.

22. Лемерсье–Келькеже. Крымские татары. С. 17; Надинский. Очерки. Т. 1. С. 100–101; Raeff. С. 15.

23. Паллас. Т. 2. С. 343–344.

9. Российская администрация (правление) в Крыму в XIX веке.

1. Надинский. Очерки. Т. 1. С. 168.

2. ПСЗ. 1-е издание. Т. 22. № 15 920 (об образовании Таврической области). 1784.

3. Раэфф, Пассим, Надинский. Очерки. Т. 1. С. 96.

4. ПСЗ. 1-е издание, Т. 24. № 17634; Надинский. Очерки. Т. 1. С. 96; Дружинина. Южная. С. 174.

5. ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20449; там же. 2-е издание. Т. 13. № 11.080; там же., 3-е издание, Т. 4. № 2077.

6. Ласковский В.П. Правители Тавриды // ИТУАК. Т. 35 (1903). С. 24–26. С воссоздания Таврической губернии в 1802 г. губернаторами были: Григорий Милорадович (1802–1803); Дмитрий Мертваго (1803–1807); Андрей Бороздин (1807–1816); Андрей Лавинский (1816–1819); Андрей Баранов (1819–1821); Николай Перовский (1822–1823); Дмитрий Нарышкин (1823–1829); Александр Казначеев (1829–1837); Матвей Муромцов (1837–1843); Виктор Рославец (1843–1845); Владимир Пестель (1845–1854); граф Николай Адлерберг (1854–1856); Григорий Жуковский (1856–1871); Андрей Рейтерн (1871–1873) (Reitern Andrei); Александр Кавелин (1873–1881); Андрей Всеволожский (1881–1889); Петр Лазарев (1889–1901); Владимир Трепов (1902–1903).

7. Сейдамет Джафер. Крым. С. 51.

8. ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20449. С. 290.

9. Относительно административного переустройства в Крыму касаются следующие указы: ПСЗ, 1-е издание. Т. 1. С. 27. № 20 643; там же, 3-е издание. Т. 11. № 8115; Т. 12, № 8539; и Т. 14. № 11.033. Переводчики обсуждаются там же, 1-е издание, Т. 27, № 20 449 (раздел 16); там же, 2-е издание, Т. 30, № 28.947 и Т. 34, № 35.102.

10. ПСЗ. 3-е издание. Т. 12. № 8741.

11. Там же. 1-е издание. Т. 22. № 16 557; Т. 31, № 24 610; там же, 3-е издание. Т. 16. № 13 589 и Т. 12. № 8741.

12. «Узнаем, что некоторые чиновники без законных оснований изымают урожай у татар». ПСЗ. 1-е издание, Т. 33. № 26 254.

13. Лашковский, passim

14. ПСЗ. 1-е издание. Т. 23. № 17265.

15. Там же. Т. 27. № 20270 и 20276, которые создали комиссию; Т. 28, № 21275; Т. 29, № 22 002 и 22 203 повторили предыдущие задачи; Т. 30, № 23 325, создал Петербургский комитет; Т. 31, № 24 349, закрыл комиссию.

16. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 26 (1897). С. 28–29, 90–102.

17. Лашков. Архивные данные. С. 96–110.

18. Лашков. Сборник документов. С. 24–154. Перечисляются и обсуждаются все известные крымские татары, ставшие к 1808 г. военными или бюрократическими чиновниками в ранге дворянства.

19. ПСЗ. 2-е издание. Т. 10. № 8676.

20. Там же. Т. 14. № 12419.

21. Там же. Т. 15. № 13304.

22. Там же. Т. 4. № 2617 и 2808; Т. 5, № 3761.

23. Муфтизаде Измаил. Очерки военной службы крымских татар 1783 по 1889 год // ITUAK. 30(1899). С. 1–2.

24. Муфтизаде. С. 3–6; Кирпенко Г.К. Ордера Князя Платона А. Зубова // ИТУАК. 26 (1897). С. 1–10.

25. Муфтизаде. С. 6–13; Габаев Г.С. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар // ИТУАК. 51 (1914). С. 137–139; ПСЗ. 1-е издание. Т. 30. № 22772 и 23778.

26. Муфтизаде. С. 10–17; ПСЗ, журналы 2, Т. 12, № 10 862.

27. Маркевич Арсений. Таврическая губерния во время Крымской войны // ИТУАК. 37 (1905), С. 6–8.

28. ПСЗ. 2-е издание, Т. 38, № 39667; Муфтизаде, С. 17–18.

29. Лашков. К вопросу. С. 160, относительно деятелей восемнадцатого века. Мордвинов. Мнение Мордвинова относительно Крыма. Архив графов Мордвиновых 3 (Санкт-Петербург, 1902 г.). С. 195. О 30000 деятелей; ПСЗ. 1-е издание, Т. 23, № 17 265. В котором обсуждаются освобожденные татарские земли, однако, не намекают на такие цифры, и османские источники умалчивают об этом.

30. Марк Пинсон (Pinson). Российская политика и эмиграция крымских татар. Журнал исследований Юго-Восточной Европы I (1972). С. 37–38.

31. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 19.

32. Пинсон (Pinson). С. 47.

33. Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 19; Пинсон. С. 50–55; ПСЗ, серия 2. Т. 36. № 35063 и 35126 по татарским паспортам и пустым землям.

34. Пинсон. С. 49.

35. Сеймор. С. 247, говорит в 1854 г., что «под русским владычеством Каффа снова уменьшилась по размеру территории ... В нем проживает более 4500 человек. «О Бахчисарае, – говорит он (1971 г.), – как и Карасубазар, Бахчисарай сохраняет большую часть своего восточного колорита (облика)». На С. 34–35 он пишет: «Улицы Симферополя неимоверно широки. Дома в богатой части построены в дурном итальянском стиле. Население города составляет 8000 душ, из которых 5000 татар».

36. Барон фон Хакстхаузен, Российская империя: ее народ, учреждения и ресурсы (Лондон, 1856 г.), Т. 2, С. 127–28.

37. ПСЗ. 3-е издание, Т. 11, № 7826. Списки этих полицейских команд находятся в разделе таблиц в конце тома. О других указах, о городском самоуправлении в Крыму см.: ПСЗ. 1-е издание, Т. 20. № 14 252; Т. 23. № 17 348; Т. 29. № 22 101; Т. 39. № 29733; Т. 40. № 30 486; там же. Серия 2. Т. 12. № 11 684; Т. 14. № 12 284; Т. 27. № 26 822; Т. 31, № 30 759; Т. 36. № 36 571 и 37 569. Для Бахчисарая. Там же. Серия 1. Т. 27. № 20 449 и Т. 39. № 29 983.

38. Дружинина. Южная. С. 70; Гакстгаузен. Т. 2. С. 125.

39. Дружинина. Южная. С. 236.

40. ПСЗ. 2-е издание. Т. 8. № 5994 и 6373.

41. Пинсон. С. 40–41; ПСЗ. Серия 2. Т. 31. № 30 152 (удаление, переселение жителей побережья).

42. ПСЗ. 2-е издание. Т. 2. С. 36. №. 32 526а; 36 571, 37 514 и 37 731.

43. Сумароков. Досуги Крымского Судьи. Т. 1. С. 1. С. 158; Ширяев С. Д.

44. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории новороссийского края 1730–1823 гг. (Одесса, 1836 г.). Т. 1. С. 221.

45. Надинский. Очерки. Т. 1. С. 105; Дружинина. Северное. С. 123–124, 129; Дружинина. Южная. С. 240–241; ПСЗ. 1-е издание. Т. 27. № 20 988; Т. 25. № 19 229; Т. 28. № 23 229.

46. Сумароков. Досуги Крымского Судьи. Т. 1. С. 158: крайняя позиция представлена у Вардкеса А. Микаяляна. На крымской земле (Ереван, 1974 г.).

С. 139, который утверждает, что «снятие турецкого и татарского ига» в Крыму дало возможность «живущим там народам» заниматься собственной культурой.

47. Иоганн Х. Шницлер (Johann H. Schnitzler). Описание Крыма. (Париж, 1855 г.). С. 67.

48. ПСЗ. 2-е издание, Т. 35. № 36 297; Т. 37. № 37 859 и 38 307.

49. ПСЗ. 2-е издание. Т. 51. № 56 221; там же. Серия 3. Т. 13, № 9877; Т. 14. № 10 933.

10. Крымскотатарское национальное пробуждение

1. Гакстгаузен. Т. 2. С. 99; Дружинина. Северное. С. 139.

2 Кларк Д. Эдвард Путешествие по России, Тартарии и Турции (Нью-Йорк, 1970). С. 359–360, 368, 465.

3. Симмонс Дж. Эрнест. Пушкин (Кембридж, Массачусетс, 1937 г.). С. 116.

4. Сеймур. С. 248–249, 251.

5. Надинский. Очерки. Т. 1. С. 97, 119, 123.

6. ПСЗ. 1-е издание, Т. 22. № 15 708; Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве. С. 211–212.

7. Александров. С. 212–213.

8. ПСЗ. 2-е издание. Т. 6. № 5033.

9. Там же. Т. 7. № 5770; Т. 8. № 6591; Т. 9. № 6774; Т. 14, № 12 622; Т. 30. № 29 903; там же. Серия 3. Т. 11, № 7754. Рисунок 1910 года у Едиге Киримала. Национальная борьба крымских турок (Эмсдеттен Emsdetten), 1952 г.). С. 15.

10. Маркевич И. Арсений. Начальная страница истории Симферопольской гимназии. ИТУАК. 50 (1913). С. 236–240.

11. ПСЗ. 2-е издание, Т. 5. № 4167.

12. Демидофф. С. 80, 185.

13. ПСЗ. 2-е издание, Т. 1. С. 34. № 34 147 и 34 647; Веселовский Б. Скит «История земства за сорок лет» (1909), Т. 1, С. 718, 723. В Симферопольском уезде число школ увеличилось с 4 до 20; в Евпатории их было 10, в Перекопе 11; в Ялтинском уезде 13 в. и Феодосийском 28. Напротив, в тех уездах, население которых не было преимущественно татарским, количество школ было значительно выше: Бердянск – 151; Днепровск – 66 и Мелитополь – 112.

14. Веселовский. История земства. Т. 1. С. 634–639, 680, 695; см. Сборник по школьной статистике Таврической губернии. № 2 (Симферополь, 1903 г.) в отношении данных о татарских «национальных» школах, финансируемых частью доходов, собираемых местными земствами.

15. Веселовский. История земства. Т. 1. С. 695.

16. Зеньковский Серж. Пантюркизм и ислам в России (Кембридж, Массачусетс, 1960 г.). С. 24–25; Шпулер Б. Мусульманский мир. Т. 2. С. 92.

17. Наиболее полное биографическое описание Гаспралы можно найти у Сейдамета Джафера. Гаспрали Исмаил-бей: Единство в словах, мыслях, делах! (Стамбул, 1934 г.). Ранний период его жизни кратко описан Чарльзом Хостлером (Ch.W. Hostler). Тюркизм и Советы (Лондон, 1957 г.). С. 123–124. Наиболее ярко его идеи представлены в работе Лаззерини Эдварда «Исмаил-бей Гаспринский и мусульманский модернизм в России, 1973 г. (докторская диссертация, Вашинг-

тонский университет и в его статье «Джадидизм на рубеже двадцатого века: взгляд изнутри». Апрель-июнь 1975 г. С. 245–277.

18. Хостлер. С. 124; Лемерсье-Келькеже. Крымские татары. С. 20.

19. Крайндлер (Kreindler) Изабель. Образовательная политика в отношении восточных национальностей в царской Россия: изучение системы Ильминского. (Докторская диссертация, Колумбийский университет, 1969 г.), С. 84–85.

20. Сетон-Уотсон Хью (Hugh Seton – Watson), Российская империя 1801–1917 (Оксфорд, 1967 г.). С. 502–503; Тоган Валиди Зеки (Zeki Veledi Toğan). Современный турок (Стамбул, 1947 г.). С. 551, цитируется по Хостлеру. С. 105–106.

21. Цитируется у Лаззерини. Исмаил-бей Гаспринский. С. 17.

22. Беннигсен А. и Лемерсье-Келькеже Шанталь. Пресса и национальное движение мусульман России до 1920 г. (Париж, 1964 г.). С. 35, 40.

23. Герхард фон Менде (Gerhard von Mende). Национальная борьба российских тюрков (Берлин, 1936 г.). С. 216.

24. Зеньковский. С. 35.

25. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse., С. 40–41: Киримал Эдиге. Крымские татары. Исследования по Советскому Союзу (новая серия, 1970 г.). Т. 10. № 1. С. 77.

26. Зеньковский. С. 33–34; Беннигсен. Ислам. С. 41.

27. Хостлер. С. 133–134; Сетон-Уотсон. С. 612; Зеньковский. С. 41–42; Киримал, Национальный, С. 17–18.

28. Шефтель М. Реформа избирательного закона в Государственную Думу 3 июня 1907 г. Книга Памяти Жоржа де Лагард (Лондон, 1968 г.). С. 331.

29. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 138–139.

30. Киримал. Национальный... С. 19–20.

31. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 141.

32. Там же; Кричинский Арслан. Очерки русской политики на окраинах, pl. I. К истории религиозных притеснений крымских татар. (Баку, 1919 г.). С. 234–235.

33. Кричинский. Очерки. С. 234–235.

34. Беннигсен и Лемерсье-Келькеже. Presse. С. 142.

35. Киримал. Крымские татары. С. 78.

36. Грюнбаум фон Г.Э. (G. E von Grunebaum). Проблемы мусульманского патриотизма (Nationalism) в книге Фрая Ричарда. Ислам и Запад (Гравенхейдж, 1957 г.). С. 25.

Сведения об авторе: Алан Фишер – профессор истории, Мичиганский государственный университет (Ист-Лансинг, штат Мичиган, США).

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alieva.arzy1985@gmail.com

The Crimean Tatars*

Alan Fisher

Abstract. This work is a translation from English of the second part of the scientific work of Alan Fisher, the famous historian, professor at Michigan State University, USA. His work *The Crimean Tatars* was published in 1978 in the USA. In the second part of the book, the author considers the following issues: 1. Reorganization of Crimea; 2. Catherine II and Islam; 3. Administrative structure; 4. Tatar nobility; 5. Crimean clergy; 6. Tatar emigration; 7. Russian colonization; 8. Russian administration of Crimea in the 19th century; 9. Administrative structure organization; 10. Tatar mirza class; 11. Tatar land ownership; 12. Military service of the Tatars; 13. Cities of the Crimea 14. Tatar peasants. 15. Crimean Tatar national awakening; 16. Destruction of Tatar architecture; 17. Russia and Crimean Islam; 18. Education; 19. Gaspraly (I. Gasprinsky); 20. Gaspraly's followers; 21. Young Tatars. In general, the second part of the work considers the Russian period of stay of the Crimea.

Keywords: *C*rimean Tatars, emigration, colonization, Jadidism, Young Tatars

For citation: Alan Fisher. The Crimean Tatars (3). Trans. from English by Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe Istoricheskoe Obozrenie = Crimean Historical Review*. 2023, no. 1, pp. 33–86. DOI: 10.22378/kio.2023.1.33-86 (In Russian)

REFERENCES

8. Reorganization of the Crimea

4. P.S.Z., series I, vol. 19, no. 13,996 (1773), pp. 775–76.
5. Cafer Seidahmet, La Crimee: Passe Present (Lausanne. 1921). p. 39; see also M. RaefT. “The Style of Russia's Imperial Policy,” pp. 1–52. for an excellent analysis of Russian motives underlying its imperial regime in the south.
6. E.I. Druzhinina. Severnoe prichernomor'e v 1775–1800 gg. (Moscow, 1959).
7. F.F. Lashkov. “Statistichiskiia svedeniia o Kryme, soobshchennyia kaimakamami v 1783 godu,” ZOOID 14 (1886), pp. 91–93; PS.Z., series I. vol. 22 nos. 15.924.

* Translation from English by L.S. Seythalilova, A.Yu. Alieva. Translation is based on publication: Fisher, Alan W. The Crimean Tatars. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Continuation. See the beginning in: Alan Fisher. The Crimean Tatars. Trans. from English by Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58-114 (In Russian); 2022, vol.9. no. 2, pp. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128 (In Russian)

15.925. 15.975. 15.988. 15.989. 16.081. 16.531 (the edicts creating all of the new Crimean institutions).

8. Lashkov. "Statisticheskiia svedeniia…", pp. 92–93.

9. Ibid., pp. 94–98. includes lists of empty towns or portions thereof; F.F. Lashkov. "K voprosu o kolichestve naseleniia Tavricheskoi gubernii v nachale XIX stolctiia." ITUAK 53 (1916), pp. 158–76.

10. P.S.Z., series I, vol. 12. no. 15.936 (February 22. 1784), p. 51.

11. "Rasporiazheniia Potemkina-Tavricheskago". X ZOOID 12 (1881). p. 304.

12. Raef T., p. 14.

13. Raef T., p. 15.

14. Druzhinina. Severnoe prichernomor'e v 1775–1800gg. (Moscow, 1959) p. 97; Lemercier-Quelquejay, "The Crimean Tatars." p. 17; Nadinskii, Ocherki. vol. I, p. 103.

15. Raef T, p. 15.

16. I.F. Aleksandrov, "O musul'manskom dukhovenstve". ITUAK 51 (1914), pp. 207–20. There was one instance of a contrary policy being followed, namely the conversion of a mosque in Sudak to a church. See Seidahmet La Crimee. p. 39.

17. Raef T., pp. 13–14.

18. Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars", p. 18; Druzhinina, Severnoe, pp. 118–119.

19. Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars," p. 18, gives these high figures saying it left in the Crimea only" 60,000–70,000 Tatars... living in the stricken countryside." See Fisher, Russian Annexation, pp. 145–46 for counter-arguments. Since she says that, in 1804, there were 120,000 Tatars in the Crimea and the exodus had continued, the earlier figures seem defective.

20. Druzhinina, Severnoe, p. 119; Arsenii I. Markevich, "Pereseleniia krymskikh latar v Turtsiiu," Izvestlia AN SSSR, series 7 no. 4 (1928), pp. 375–405.

21. Nadinskii. Ocherki, vol. I, p. 100.

22. Lemercier-Quelquejay, "The Crimean Tatars," p. 17; Nadinskii. Ocherki, vol. 1, pp. 100–101; RaeflT, p. 15.

23. Pallas, vol. 2, pp. 343–44.

9. Russian Administration of the Crimea in the Nineteenth Century

1. Nadinskii. Ocherki. vol. I. p. 168.

2. P.S.Z., series I, vol. 22, no. 15,920. on the formation of Tavricheskaia oblast'. 1784.

3. RaeflT. passim; Nadinskii. Ocherki, vol. 1, p. 96.

4. P.S.Z., series 1, vol. 24, no. 17,634; Nadinskii. Ocherki, vol. I. p. 96; Druzhinina. luzhnaia, p. 174.

5. P.S.Z., series 1, vol. 27, no. 20,449; ibid., series 2, vol. 13, no. 11.080; ibid., series 3, vol. 4, no. 2077.

6. V. P. Laskovskii, "Praviteli Tavridy", ITUAK, vol. 35 (1903), pp. 24–26. From the re-creation of Tavricheskaia guberniia in 1802, the governors were: Grigorii Miloradovich (1802–1803); Dimitrii Mertvago (1803–1807); Andrei Borozdin (1807–1816); Andrei Lavinskii (1816–1819); Andrei Baranov (1819–1821); Nikolai Perovskii (1822–1823); Dimitrii Naryshkin (1823–1829); Aleksandr Kaznacheev (1829–1837); Matvei

Muromtsov (1837–1843); Viktor Roslavcts (1843–1845); Vladimir Pestel' (1845–1854); Count Nikolai Adlerberg (1854–1856); Grigorii Zhukovskii (1856–1871); Andrei Reitem (1871–1873); Aleksandr Kavelin (1873–1881); Andrei Vsevolozhskii (1881–1889); Petr Lazarev (1889–1901); Vladimir Trepov (1902–1903).

7. Cafer Seidahmet, La Crimee, p. 51.

8. P.S.Z., series 1, vol. 27, no. 20,449, p. 290.

9. The following decrees concern administrative reorganization in the Crimea: P.S.Z., series 1. vol. 27, no. 20,643; ibid., series 3, vol. 11, no. 8115; vol. 12. no. 8539; and vol. 14, no. 11.033. Translators are discussed in: ibid., series 1, vol. 27, no. 20,449 (section 16); ibid., series 2. vol 30, no. 28.947 and vol. 34, no. 35.102.

10. P.S.Z., series 3, vol. 12, no. 8741.

11. Ibid., series 1, vol. 22, no. 16,557; vol. 31, no. 24,610; ibid., series 3, vol. 16. no. 13,589 and vol. 12, no. 8741.

12. "We learn that some officials are seizing harvests from Tatars without legal justification." P.S.Z., series 1. vol. 33. no. 26, 254.

13. Lashkovskii, passim.

14. P.S.Z., series 1, vol. 23, no. 17 265.

15. Ibid., vol. 27. nos. 20,270 and 20,276, which created the commission; vol. 28, no. 21,275; vol. 29, nos. 22,002 and 22,203 repeated the earlier tasks; vol. 30. no. 23,325, created the St. Petersburg committee; voL 31, no. 24,349, closed the commission.

16. F.F. Lashkov, "Sbomik dokumentov po istorii krymsko-tatarskago zemlevladeniia", ITUAK, 26 (1897), pp. 28–29, 90–102.

17. Lashkov, "Arkhivnyia dannyia," pp. 96–110.

18. Lashkov, "Sbornik dokumentov.' pp. 24–154, lists and discusses all known Crimean Tatars who had become military or bureaucratic officials with the rank of dvorianstvo by 1808.

19. P.S.Z., series 2, vol. 10, no. 8676.

20. Ibid., vol. 14. no. 12,419.

21. Ibid., vol. 15, no. 13,304.

22. Ibid., vol. 4, nos. 2617 and 2808; vol. 5, no. 3761.

23. Izmail Muftizade, "Ochcrk voennoi sluzhby krymskikh tatars 1783 po 1889 god", ITUAK 30(1899), pp. 1–2.

24. Muftizade, pp. 3–6; G.K. Kirpenko. Ordera Kniazia Platona A. Zubova, ITUAK 26 (1897), pp. 1–10.

25. Muftizade, pp. 6–13; G.S. Gabaev. "Zakonodatel'nye akty i drugie dokumenty o voennoi sluzhbe krymskikh tatar". ITUAK51 (1914), pp. 137–39; P.S.Z., series 1, vol. 30, nos. 22,772 and 23.778.

26. Muftizade, pp. 10–17; P.S.Z., series 2, vol. 12, no. 10,862.

27. Arsenii Markevich. "Tavricheskaia guberniia vo vremia krymskoi voiny", ITUAK 37 (1905), pp. 6–8.

28. P.S.Z., series 2, vol. 38, no. 39.667; Muftizade, pp. 17–18.

29. Lashkov, "K voprosu." p. 160, for eighteenth-century figures. Mordvinov, "Mnenie Mordvinova otnositel'no kryma," Arkhiv grafov Mordvinovykh 3 (St. Petersburg, 1902), p. 195, does not hint at such numbers however, and Ottoman sources are silent on the for the 30, 000 figure. P.S.Z., series 1, vol. 23, no. 17,265. Which discusses

vacated Tatar lands, does not hint in such numbers however, and Ottoman sources are silent in this matter.

30. Mark Pinson. "Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars," Guney-Doğu Avrupa Araştjirmalari Dergisi I (1972), pp. 37–38.

31. Lemercier-Quelquejay, "The Crimean Tatars," p. 19.

32. Pinson, p. 47.

33. Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars," p. 19; Pinson, pp. 50 55; P.S.Z., series 2, vol. 36, nos. 35.063 and 35,126 on Tatar passports and empty lands.

34. Pinson, p. 49.

35. Seymour, p. 247, says in 1854 that "under Russian dominion. Kaffa has sunk again in size... It has more than 4500 inhabitants." He describes Karasu Bazaar (p. 241), as "reserved for the Tatars". It retains strictly oriental character. On Bahçesaray, he says (1971) Like Karasu Bazaar, Bahçesaray keeps on much of its eastrern character." On pp. 34–35 he writes: "Simferopol's streets are enormously wide. The houses in the rich part are built in a bad kind of bastard Italian style... The town has a population of 8000 souls of whom 5000 are Tatars".

36. Baron von Haxthausen, The Russian Empire: Its People, Institutions, and Resources (London. 1856). vol. 2, pp. 127–28.

37. P.S.Z., series 3. vol. 11, no. 7826. The lists of these police commands are found in the section of tables at the end of the volume. For other edicts on town government in the Crimea, see P.S.Z., series 1, vol. 20, no. 14.252; vol. 23. no. 17,348; vol. 29. no. 22,101; vol. 39, no. 29.733; vol. 40. no. 30.486; ibid., series 2. vol. 12, no. 11,684; vol. 14, no. 12.284; vol. 27, no. 26,822; vol. 31, no. 30.759; vol. 36, nos. 36.571 and 37,569. For Bahçesaray, sec ibid., scries 1. vol. 27, no. 20.449, and vol. 39, no. 29,983.

38. Druzhinina, Iuzhnaia, p. 70; Haxthausen, vol. 2, p. 125.

39. Druzhinina, Iuzhnaia. p. 236.

40. P.S.Z., series 2, vol. 8, nos. 5994 and 6373.

41. Pinson, pp. 40–41; P.S.Z., scries 2, vol. 31, no. 30,152 (removal of shore inhabitants).

42. P.S.Z., series 2, vol. 36, no. 32,526a.; 36,571,37,514. and 37,731.

43. Sumarokov, Dosugi Krymskago Sud'i, vol. 1, p. 158; S.D. Shiriaev, "Pomeshchich'ia kolonizatsiia i russkie usad'by v Krymu," Krym 2. no. 4. (1927), pp. 169–86; RaefT, pp. 1–52.

44. A. Skal'kovskii. Khronologicheskoe obozrenie istorii novorossiiskogo kraia 1730–1823 (Odessa. 1836). vol. I. p. 221.

45. Nadinskii. Ocherki. vol. I. p. 105; Druzhinina. Severnoe, pp. 123–24. 129; Druzhinina. luzhnaia, pp. 240–41: P.S.Z.. series I. vol. 27. no. 20.988; vol. 25. no. 19229: vol. 28. no. 23229.

46. Sumarokov. Dasugi Krimskago Sud`i. vol. I., p. 158: an extreme position is presented in Vardges A. Mikaelian. Na knmskoi zemle (Erevan. 1974). p. 139. who states that the "removal of the Turkish and Tatar yoke in the Crimea made it possible for "the peoples living there" to practice their own culture.

47. Johann H. Schnitzler. Description de la Crimee. (Paris. 1855) p. 67.

48. P.S.Z., series 2, vol. 35, no. 36.297: vol. 37. nos. 37.859 and 38307.

49. P.S.Z., series 2, vol. 51, no. 56.221: ibid., series 3. vol. 13. no. 9877; vol. 14, no. 10.933.

10. The Crimean Tatar National Awakening

1. Haxthausen. vol. 2. p. 99: Druzhinina. Severnoe. p. 139.
2. Edward D. Clarke. Travels to Russia, Tartare. and Turkey (New York. 1970), pp. 359–60. 368. 465.
3. Ernest J. Simmons. Pushkin (Cambridge, Mass.. 1937). p. 116.
4. Seymour, pp. 248–49. 251.
5. Nadinskii. Ocherki. vol. I, pp. 97. 119. 123.
6. P.S.Z., series 1, vol. 22, no. 15.708; I.F. Aleksandrov. "O musul'manskom dukho-venstve." pp. 211–12.
7. Aleksandrov, pp. 212–13.
8. P.S.Z., series 2, vol. 6, no. 5033.
9. Ibid., vol. 7, no. 5770; vol. 8. no. 6591; vol. 9. no. 6774; vol. 14. no. 12.622; vol. 30. no. 29.903; ibid., series 3, vol. 11, no. 7754. Figure for 1910 in Edige Kirimal. Der nationale Kampf der Krimtiirken (Emsdelten. 1952). p. 15.
10. Arsenii I. Markevich. "Nachal'naia stranitsa istorii Simfcropolskoi gimnazii," ITU A K 50 (1913), pp. 236–40.
11. P.S.Z., series 2, vol. 5, no. 4167.
12. Demidoff, pp. 80. 185.
13. P.S.Z., series 2, vol. 34, nos. 34.147 and 34,647; B. Veselovskii Istoriia zenistva za sorok let (St Petersburg. 1909), vol. I, pp. 718–723. In Simferopol' district the number of schools increased from 4 to 20; in Evpatoriia there were 10, in Perekop 11; in lalta district 13. and Feodosiia 28. By contrast, in those districts whose population was not primarily Tatar, the number of schools was much higher Berdiansk. 151; Dneprovsk, 66; and Melitopol. 112.
14. Veselovskii, Istoriia zemstva. vol. I, pp. 634–39, 680, 695; see Sbornik po shkolnol statistike tavricheskoi gubemii. no. 2 (Simferopol'. 1903) for figures on Tatar "national" schools funded in Urge part from revenues collected by the local zemstvos.
15. Veselovskii. Istoriia zemstva. vol. I. p. 695.
16. Serge Zenkovsky, Pan-Turkism and Islam in Russia (Cambridge, Mass., 1960), pp. 24–25; B. Spuler, The Muslim World, vol. 2, p. 92.
17. The most complete biographical account of Gaspirali is found in Cafcr Seidahmet, Gaspirall Ismail Bey: Dilde, Fikirde. Işte Birlik (Istanbul. 1934). His early life is briefly discussed in Charles W. Hostler, Turkism and the Soviets (London, 1957), pp. 123–24. His ideas are most clearly presented in Edward Lazzerini, "Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia," (Ph.D. dissertation. University of Washington, 1973). and in his article "Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: a View from Within," Cahiers (April-June 1975), pp. 245–77.
18. Hostler. p. 124; Lemercier-Quelquejay. "The Crimean Tatars." p. 20.
19. Isabelle Kreindler. "Educational Policies Toward the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: a Study of ll'minskii's System." (Ph.D. dissertation, Columbia University, 1969), pp. 84–85.
20. Hugh Seton-Watson, The Russian Empire 1801–1917 (Oxford. 1967), pp. 502–3: Zeki Veledi Toğan. Bügüinkü Türkili (Istanbul, 1947). p. 551, quoted in Hostler, pp. 105 6.
21. Cited in Lazzerini. "Ismail Bey Gasprinskii," p. 17.

22. A. Bennigsen and Chantal Lemcrcier-Quclquejay. Lapresse et 1e mouvement nationalchez: les musulmans de Russie avant 1920 (Paris, 1964), pp. 35–40.

23. Gerhard von Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken (Berlin, 1936), p. 216.

24. Zenkovsky. p. 35.

25. Bennigsen and Lemcrcier-Quclquejay. Presse, pp. 40–41: Edige Kirimal. "The Crimean Tatars." Studies on the Soviet Union (new series, 1970). vol. 10. no. I. p. 77.

26. Zenkovsky, pp. 33–34; Bennigsen, Islam, p. 41.

27. Hostler, pp. 133–34; Seton-Watson, p. 612; Zenkovsky, pp. 41–42; Kirimal, Der nationale, pp. 17–18.

28. M. Szeftel, "The Reform of the Electoral Law to the State Duma on June 3, 1907," Liber Memoralis Georges de Lagarde (London. 1968), p. 33 L

29. Bennigsen and Lemcrcier-Quelquejay. Presse, pp. 138–39.

30. Kirimal. Der nationale, pp. 19–20.

31. Bennigsen and Lemcrcicr-Quelquejay. Presse. p. 141.

32. Ibid.; Arslan Krichinskii. Ocherki russkoi politiki na okrainakh, pl. I, "K islorii rcligioznykh pritesnenii krymskikh talar," (Baku. 1919), pp. 234–35.

33. Krichinskii. Ocherki, pp. 234 35.

34. Bennigsen and Lemercier-Quelquejay. Presse, p. 142.

35. Kirimal, "The Crimean Tatars," p. 78.

36. G. E. von Grunebaum, "Problems of Muslim Nationalism," in Richard Frye. Islam and the West (Gravenhage, 1957), p. 25.

About the author*:* Alan W. Fisher – Associate Professor of history, Michigan State University (East Lansing, Michigan, USA). Professor Fisher has received several grants for study abroad. He was given support by the American Research Institute in 1969 and 1976 as well as the ACLS for research in Turkey during 1976–1977. His work The Crimean Tatars is the first in the series of volumes that examine the history and development of nonRussian nationalities in the Soviet Union. Professor Fisher examines the history of the Crimean Tatars from the mid-fourteenth century to the present, making use of primary source materials in several European languages, including Russian, as well as the Crimean and Turkish languages.

About the translators: Leylya S. Seyitkhalilova – research laboratory assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str.,7A, Kazan, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); alieva.arzy1985@gmail.com